

Александр Прозоров

К Н Я З Ь

Всадники ночи

Князь

Александр Проzorов

Всадники ночи

«Автор»

2007

Прозоров А. Д.

Всадники ночи / А. Д. Прозоров — «Автор», 2007 — (Князь)

Уловка некроманта Белурга вынудила Андрея Зверева ехать домой, в Великие Луки, не привычной дорогой, а через Дорогобуж, узкими проселками через дремучие леса, что раскинулись между Смоленским трактом и Пуповским шляхом. Здесь, вдали от проторенных путей, он и столкнется со всадниками ночи – храбрыми и бессмертными воинами, сумевшими разгромить немало врагов, превосходящих их и силой и количеством. Одним из таких врагов для них старанием злого колдуна отныне стал князь Сакульский. Со всадниками ночи невозможно управиться простому смертному человеку. Но если хочешь выжить – их придется победить.

© Прозоров А. Д., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Молитва ночи	5
Дар заката	27
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр ПРОЗОРОВ

ВСАДНИКИ НОЧИ

Молитва ночи

В светелке сладковато пахло перегретым воском, лавандой, влажным пухом и свежеструганными сосновыми досками. Перина была податливой, словно озерная вода, и горячее, как раскаленный пар. Но еще жарче – жарче огня, жарче кузнечного горна, жарче летнего полуденного солнца были объятия рыжеволосой Людмилы. Кудри княгини Шаховской обжигали своим прикосновением, тонкие губы оставляли след, точно побелевшее клеймо, дыхание заставляло сердце вспыхивать в груди – и не было ничего прекрасней этой муки, ничего желаннее, нежели сгореть, подобно взметнувшейся над костром искорке, в сладких непереносимых объятиях. Страсть и любовный пыл заставляли мужчину и женщину стискивать друг друга в объятиях, закручивали в водовороте безумия, поднимая все выше и выше по спирали чувств. Они не замечали ничего вокруг. В эти минуты над постелью могла бушевать гроза, кипеть битва, реветь ураган – это не имело значения, ибо во всей Вселенной сейчас существовали только они, только двое, только их любовь – и ничего более... Наконец по комнате понеслись сладостные стоны, вырвался крик, неотличимый от крика боли, и любовники откинулись друг от друга, обессиленные сладкой истомой. Прошло несколько минут, прежде чем юная женщина повернулась на бок, погладила Андрея по груди, поцеловала между сосками:

– Как славно, что ты со мной, любимый мой, желанный мой, суженый... Ой, что это? Шрам? Откуда?

– Этот? – скосил глаза Зверев. – Кажется, крестоносец ливонский зацепил. А может, и ляхи. Помнится, после сечи у Острова на мне несколько царапин Пахом порошком цветочным засыпал. Не помню.

– Господь всемогущий... – Княгиня перекрестилась, наклонилась вперед, коснулась шрама губами. – Спасибо тебе, Господи, что спас для меня суженого моего, не дал сгинуть в чужих землях, в кровавом походе. Страшно, наверное, в битвах этих было, Андрюшенька?

– Страшно? – удивился неожиданному вопросу князь Сакульский. – Страшно... Наверное, да.

– Наверное? Ужели не знаешь ты, любимый, страшно тебе было али нет?

Зверев пожал плечами, поднялся с постели, приблизился к окну, выходящему в темный двор, на котором алыми пятнами светились два факела у привратников, провел пальцем по покрытой мелкими капельками глянцевої поверхности. Хорошо все-таки, когда в окна слюда вставлена, а не стекло. Ничего, кроме неясных силуэтов, через нее не разберешь. Он у самого подоконника – однако дворне и невдомек, что у госпожи их в гостях не нищая попрошайка, а молодой боярин.

– Страшно? – повторил он, глядя в темноту. – Не знаю даже, как это и объяснить. Когда сидишь в седле, держишь в руке рогатину и смотришь через поле на тварей, что на землю твою заявились, что добро твое захватить желают, девушек русских опозорить, парней в полон увести, власть свою заместо русской установить... Какой тут страх? Не за себя страшно – страшно, что уничтожить их всех не сможешь, что убежит кто-то, что снова наплодятся. И когда в копейную сшибку летишь – только восторг в душе. И чувствуешь вроде, что смерть рядом, что живот свой потерять можешь – да разве это главное? Земля у тебя русская за плечами, правда за тобой, вера истинная. Ради нее умереть можно. Ради нее – не страшно. Хотя... Хотя вру. Все равно страшно бывает в сече. Когда видишь сталь, что крови твоей ищет, когда клинок, кажется, в самое сердце твое направлен, а ты отбиться от него не успеваешь, когда один супротив трех-

четырёх оказываешься... Страшно. Но ведь словами и того не объяснить, как себя чувствуешь, когда саблю обратно в ножны вкладываешь. Когда понимаешь, что все кончено! Что победа опять за нами осталась. Дышишь – воздух слаще вина кажется. На небо смотришь – а оно прекрасное, как глаза твои, Люда. И солнце так греет, словно с небес к тебе одному спустилось. Такая благодать на душе, словно только что с Богом за руку поздоровался. Пройдет неделя-другая. Месяц проживешь в покое – и тосковать по этому восторгу начинаешь. И опять в поход тянет, в сечу, в схватку смертную. И черт с ним, со страхом. Потому как без смертного страха восторга этого не испытать. Мы ведь в битву не умирать идем, любимая моя. В походы мы побеждать уходим.

Зашуршала перина, княгиня бесшумно подкралась по мягкому ковру, обняла Андрея сзади, положила подбородок на плечо:

– Кабы я твоею супружницей была, ни в един бы поход, мыслью, не пустила. В ногах бы валялась, Богу поклоны била, государю плакалась, но отмолила бы от службы опасной. Вон, сидят же дьяки в приказах. И власть при них изрядная, и злато, и страха никакого.

– Ну и опозорила бы нас обоих навек, Людмила. Коли князь али боярин за Русь кровь свою пролить не готов, то он уже и не боярин более становится, не мужчина. Смерд простой. Раб жалкий. Нечто нужен я тебе буду рабом и смердом, хорошая моя?

– Я тебя любим люблю...

– Трусом я сам себе не нужен, – покачал головой Андрей. – Какой же я русский, коли Русь свою мечом защищать не готов? Так, россиянин.

– Все равно люблю, единственный мой, желанный... – Она прижалась ухом к его затылку, и волосы защекотали кожу между лопатками. – Тяжко, когда уходишь, так тяжело, ты и помыслить не в силах. Возьми меня в жены, Андрюшенька, возьми. Истомлюсь я без тебя. Сгорю, ако уголек в пустой печи. Возьми.

– Мы ведь уже говорили о том, Люда. Женат я, пред Богом обвенчан.

– Затрави! – с неожиданной силой повернула к себе Зверева княгиня. – Все так делают, и тебе не грех. Чуть где оступится – плетью ее, плетью! Ошибется – бей, и посильнее. Не ошибется – сам вину найди. Нет вины – бей за то, чего не сделала, что забыла, не успела, не догадалась. Когда муки не стерпит – в монастырь уйдет, и ты свободен будешь, свободен. Снова можешь жениться. А моего хрыча старого мы изведем. Ты зелье сваришь. Ты ведь колдун, про то вся Москва шепчется. Когда порчу с семьи царской снял, так царица Настасья одной дочери родить не успела, ан уж вновь тяжелая ходит. Шепчутся люди, да вслух молвить опасаются. Люб ты, сказывают, Иоанну. Для него колдуешь. Так и для меня постарайся... – Людмила снова прижалась к любимому горячим обнаженным телом. – Изведем постылого, твоей вся стану. Днем с тобой стану и ночью. И за столом, и в церкви, и в доме, и на улице. Ни от кого не прячась, ни на миг не разлучаясь. С тобой быть хочу, желанный мой, суженый. С тобой.

За дверью тихонько поскреблись. Молодая женщина вздрогнула, испуганно оглянулась.

– Ну вот, опять... – Она обняла Андрея, крепко сжала: – Не отпускай! Мой ты, мой! – Однако уже через минуту руки ее ослабли, и княгиня отступила: – Господь, Вседержитель наш, спаси, помилуй и сохрани. Одевайся, девки скоро явятся ко сну меня готовить. Торопись.

Зверев закутился, подбирая штаны и рубаху, натягивая их на потное тело. Сверху он набросил рубище из мешковины с нашитым позади горбом, приладил к волосам клочок овечьей шерсти с торчащими наружу соломинами и завядшими листьями, наклонился, вывернул плечи вперед, превращаясь в уродливого немощного юродивого, и заковылял к выходу.

– Спаси меня отсель, солнышко мое, – тихонько попросила в спину княгиня. – Спаси, мочи жить без тебя нет. Руки на себя наложу, Андрюша. Спаси.

Зверев на миг остановился, но оглядываться не стал, сдвинул засов и ступил в коридор к неразличимой в темноте сводне.

– Благослови тебя Господь, милостивица! – громко провозгласила Ксения, кланяясь замершей в свете свечей хозяйке, перекрестилась и, дернув князя, засемила вперед, без труда угадывая нужные повороты.

Давненько здесь обитала попрошайка, все углы наизусть помнила. Спустя пару минут они уже миновали кухню и выбрались во двор через черный ход. Еще за минуту пересекли двор и вышли в калитку, предусмотрительно отворенную привратником.

– Мир вам, Божьи люди, – перекрестился им в спину холоп Шаховских и громко закрыл створку. Тут же грохотнул засов.

– Вот зар-раза, колется, – с облегчением распрямляясь, пожаловался Андрей. – У тебя, часом, клопы в горбе не завелись?

– Помилуй, касатик, заметят, – замахала руками нищенка. – Пригнись.

– Кто заметит? Ночь в Москве, темно. Кому мы нужны? – Однако спину Зверев все-таки согнул. – От Шаховских уже никто не выйдет, заперлись. А прочим до нас и вовсе дела нет.

– Как угадать, сокол ты наш, когда беда подкрадется? Завсегда к ней готовым быть надобно. Тоды врасплах и не застанет. – Попрошайка стремительно семенила вдоль черного, как смоль, тына. – Ан ведь все едино не узнаешь. Свалится на голову, и не поймешь, откель взялась.

– Слушай, Ксения... – В согнутом виде догнать старуху не получалось, и Андрей опять распрямился. – Скажи, а ты только нас с княжной Шаховскойводишь или еще кому-то помогаешь?

– Да когда же мне иным помогать, касатик, коли вы с чаровницейкаждый день милуетесь? – оглянулась нищенка. – Ныне токмо вам.

– А раньше?

– И иным помогала, – не стала отрицать старуха. – Сердечко-то не каменное, жалею вас, молодых. От одного весточку любой отнесу, от другой ответ передам. А там, глядишь, и коснуться друг друга захотите... Ну и сведу вместе – отчего не свести? Страсть ведь любовную, милок, ни стены каменные, ни решетки железные, ни рвы глубокие остановить не смогут. Все едино прорвется, суженых воедино свяжет.

– Крепко связывает, Ксения? Женятся потом просители твои или только милуются недолго?

– Милуются чаще... – сбавила шаг попрошайка. – Кто месяц, кто год... А ты, никак, уж отринуться от княгини замыслил?

– Нет, Ксения, нет, – мотнул головой Зверев. – Никогда. Этого не случится никогда. Покуда жив я, ни за что с ней не расстанусь. Моя она будет, только моя. Я, наверное, женюсь на ней. Чтобы уж точно. Навсегда.

– У-угу, – буркнула что-то неразборчивое попрошайка и торопливо застучала клюкой по дубовым плашкам.

– Что? Что ты сказала, Ксения? – догнав, положил ей руку на плечо Андрей.

– Ништо.

– Нет уж говори!

– Да молчала я, касатик, – отмахнулась попрошайка. – Кашлянула просто.

– Обижусь, Ксения, – тихо пообещал князь Сакульский. – Будешь опять на паперти стоять.

– Ох, сокол наш ясный, – вздохнув, оперлась подбородком на клюку старуха. – Все вы так поначалу рассказываете. Ан иной раз и седмицы не пройдет – и нет у вас к любой никакого интереса.

– То другие, Ксения. У нас с Людмилой все будет по-иному.

– Все так молвят, касатик. Однако же к венцу еще никто из любезных воздыхателей не дошел. – Попрошайка глубоко вздохнула, перекрестилась и опять затрусила вперед: – Да про-

стит Господь прегрешения мои тяжкие. Видит он, не со зла, а из жалости на грех смертный шла. Да пребудет со мной милость Девы непорочной, да заступится она за меня пред чадом своим венценосным...

Возле храма Успения, в тесной конуре нищенки Зверев переоделся и вышел на темную улицу уже не юродивым бедолагой, а знатным боярином, коего стражники из ночных дозоров предпочитали зря не окликать – чтобы под гнев не попасть часом. Князей и дьяков государевых в Москве много встречается. Иной так быстро на плаху отправить может – и слова в оправдание не успеешь сказать. Крест исповеднику поцелуешь – и голова долой. Посему до дома Ивана Кошкина Андрей добрался быстро и без приключений. Подмигнул Пахому, что, как верный пес, дожидался на крыльце возвращения хозяина, забежал к себе в светелку, скинул ферязь, повесил на стену саблю, после чего спустился в трапезную перекусить и... Оказался в самой гуще шумного пира.

– О, наконец-то, друг мой дорогой! – Уже скинувший кафтан, раскрасневшийся боярин Кошкин дернул себя за короткую реденькую бородку и поднялся с кресла, раскинув руки: – Где же ты ходишь, княже? Мы тут за здоровье твое аж три кубка выпить успели, а ты нейдешь и нейдешь.

Андрея он так и не обнял, не дождался: потерял равновесие, упал обратно в кресло, схватился за кубок, притянул к себе:

– Опять пусто... Наливай! Нет, не смей! Хочу братчину с другом нашим князем Андреем выпить! Братчину! Братчину! Эй, кто там есть? Заур, Степан? Братчину!

Среди многочисленных – человек тридцать – гостей этот призыв особого восторга не вызвал. Да оно и не удивительно: знакомых лиц за столом Зверев не видел. Значит, бояре были не из их пивного братства, чужаки. Им глотнуть из священного сосуда, скрепляющего мужскую дружбу, не светило. Вот только что они тут тогда все делали?

– И дьяк Иван Юрьевич ныне чего-то набрался, – негромко отметил для себя Андрей. – Небось, устал в приказе да вместо ужина хлебным вином подкрепился.

Князь пробрался во главу стола, сел справа от хозяина, решительно притянул к себе блюдо с разделанной только у хвоста небольшой, с полпуда, белорыбицей. Кубок трогать не стал – сейчас ведь котел с пивом принесут. Им с Кошкиным на двоих. Пей, не хочю.

– Это он, друг мой, – обхватив за плечо, прижал к себе Зверева боярин, – он, друг мой и сын друга, надоумил государя избранную тысячу себе назначить! Тех, что завсегда рядом, под рукой и волей самого Иоанна стоять станут. И поместья всем под Москвою отведем. Каждому! Ну кто тут сказывал, что дом боярина Кошкина – приют худородных? А? Ныне князья сами ко мне на поклон идут, крест на верность целуют! В тысячу избранную уж и князь Василий Иванович Барбашин-Шуйский попросился, и Темрюк Айдаров, сиречь князь Черкасский. Князь Одоевский Никита Романович кланялся, князь Афанасий Иванович Вяземский тоже. И зна-комец твой, Андрюша, кстати, тоже наемни заглянул. Боярин Выродков Иван Григорьевич, Михайло Воротынского дружок, что к османам из любопытства плавал. Помуну... Помяну...

– Вот, черт! – Перебивая хозяина, Зверев хлопнул кулаками по столу. – Опять князья?! И на кой ляд они нам в этой тысяче нужны?!

– Ты чего, Андрюша? – сморщил губы в бантик Иван Юрьевич. – Хо-о-оширошие ведь люди. Знатные.

– А я для чего тысячу эту задумал, боярин? Чтобы князей знатных в букет собирать? Я для того это все начинал, чтобы не по знатности, а по заслугам людей продвигать! Чтобы не тот, кто удачнее уродился, командовал, а тот, кто дело лучше знает, в ком отваги больше, сообразительности! И что теперь будет? Нечто князь Черкасский боярину простому подчиняться согласится? Или князь Барбашин-Шуйский голову перед Юрой Левиным склонит? Да будет опять то же местничество у нас, что и в прочей рати. По три дня перед вражьем войском будем стоять да мерить, кто перед кем выше родом числится! Забыл, Иван Юрьевич, что уже не

раз полки наши только потому шпана всякая била, что бояре места поделить не могли? Оршу вспомни, как ввиду поляков бояре разных полков о старшинстве не сговорились и в битву не стали вступать. Вспомни, как ляхи наших ратников поодиночке убивали, полк за полком, и никто за сотоварищей своих не вступился¹. Кровью жестокой нас не раз война за то умывала, а вы опять за свое принимаетесь!

– Э-э, нет, Андрюша, – навалившись на подлокотник, покачал пальцем дьяк. – Я о том условии князя каждого упредил. Тысяча наша опричная, не земская, в тысяче нашей все равны. Каждый мне на условии том крест целовал и блюсти равенство до гроба своего клялся. Как в братчине русской: кто пива общего испил, тому пред прочими боярами родом и добром не кичиться!

– Это они сейчас такие хорошие, пока их через избранный полк к трону ближе подпускают, – не скрывая раздражения, мотнул головой Андрей. – А как до дела дойдет, враз кичливость со всех щелей полезет.

– Они же крест целовали, княже!

– Крест? – Зверев прикусил губу. – Крест, говоришь?.. Давай так поступим, Иван Юрьевич. Боярин Выродков – он ведь худородный? Ты вот что... Ты князей знатных в общую сотню сведи да старшим над ними боярина Ивана Григорьевича поставь. Вот и проверим. Коли примут – пусть верность государю делом доказывают. А кто возмутится – гони из избранной тысячи взашей. Пусть в ополчении права качают...

Гости тем временем притихли, настороженно прислушиваясь к беседе московских бояр. В глазах многих горело восхищение: при решении дел государственных довелось присутствовать, при споре приближенных слуг царских.

– А вы, думаю, тоже в тысячу избранную вступать надумали? – окинул их взглядом князь Сакульский и встал, подняв-таки один из наполненных вином серебряных кубков. – Тогда слушайте меня, служивые люди. Отныне в армии нашей не за подвиги отцов, а за храбрость государь каждого величать станет. Служите честно, по совести – и любой из вас думным боярином, дьяком или головным воеводой стать сможет. Долгие лета царю Иоанну Васильевичу. Слава!

– Слава, слава! – Бояре восторженно схватились за свои бокалы и тоже их вскинули. Наверное, каждый уже мнил себя бородатым царедворцем, стоящим с посохом у ступеней трона и подающим государю мудрые советы, или утопающим в роскоши всесильным князем.

– Вот и хорошо, – пригубил кубок с терпким вином Андрей.

Опричная тысяча появилась только этим летом, после неудачного казанского похода. Появилась его, Зверева, стараниями. Раньше, еще нынешней весной, каждый боярин знал: кем родился, тем и помрет. Посты, воеводства, чины в полках русского войска не по заслугам – по знатности распределялись. Родился худородным – так и останешься простым боярином. Родился князем – в двадцать лет воеводой над многотысячными армиями назначать станут. И вот теперь, впервые за многие века, молодым детям боярским дали шанс. Пусть небольшой – но вполне реальный. Теперь они ради мечты и Иоанна горы свернут. Ни подкупить, ни запугать себя не дадут. Будет теперь на Руси новая, прочная сила. Ударный полк, в котором командовать сотнями и десятками станут лучшие из лучших. Полк, в котором ратники не о родах своих думать будут, а о службе, о деле государевом. Войско, в котором можно возвыситься лишь своим умом, причем зависимое только от царя и ни от кого более. Монолитная рать – а не рыхлое поместное ополчение, где бояре впервые встречаются друг с другом только перед сражением. Можно сказать – первый в мире спецназ. Еще одна стена между окружающими страну врагами и Русью. Еще одна стена между князем Старицким и государем. Пусть лоб себе расшибет, к власти прорываясь. И Андрею спокойнее, что пророчество Лютобора не исполнится, и стране полезно. И сделано это его, Зверева, руками. За такое не грех и выпить.

¹ Это позорище случилось в 1514 году.

* * *

Андрею сильно повезло, что попал он не к началу, а уже к середине пира. Кубок вина, пара литров пива из потертой братчины – и к тому времени, когда Иван Кошкин заснул в кресле, последовав примеру четверых своих гостей, а прочие бояре перестали попадать ножом в рот, Зверев еще только слегка захмелел. Перекусив, он, не привлекая ничего внимания, тихо ушел из трапезной к себе, а посему утром поднялся бодрым и веселым, без головной боли и тошноты. Как говорят в народе: трезвость – лучшее средство от похмелья. Жаль только, рецептом этим чертовски трудно пользоваться.

Натянув порты, князь сбежал во двор, кликнул холопов. Белобрысый Изольд и широкоплечий Илья в два ведра окатили его колодезной водой, Пахом поднес полотенце:

– Голова-то вся мокрая, княже.

– Нечто я гусак, сухим из воды выходить? – рассмеялся Зверев. – Через полчаса подходите, дядька, начнем нашим балетом заниматься. Как дьяк, уехал?

– А как же, Андрей Васильевич, еще с час назад с холопами в приказ отправился. Рази токмо в ферязь заместо шубы облачился. Жарко, обмолвился.

– Так лето же на дворе, – прищурился на солнце князь. – А боярин Кошкин молодец, крепкий мужик. Как он после таких пиров вообще поднимается – ума не приложу! Да еще и на службу едет.

– Тебе помочь, княже?

– Сам...

Князь вернулся к себе в светелку, влез в полотняную рубаху, сверху застегнул поддоспешник, надел байдану, поверх нее – в очередной раз отремонтированный Пахомом куяк, опоясался саблей, опустил в рукав свой любимый кистень, подобрал прислоненный в углу щит. Трехпудовая тяжесть брони и оружия навалилась на плечи, прижимая воина к земле – но Андрей не поддался искушению скинуть лишнее железо, потренироваться налегке. Коли к доспеху не привыкнешь – в сече он тебя не спасет, а погубит. Высосет все силы до капельки – с первым же врагом управиться не успеешь. Зверев повел плечами, давая железу улечься на теле, несколько раз подпрыгнул и решительно вышел из комнаты.

Холопы на дворе были со щитами, но без доспеха, в одних рубахах. И это правильно: молодых парней он меньше года назад под свою руку взял, им еще учиться и учиться. Пусть пока налегке насобачатся клинком и бердышом работать, кольчугу на них потом повесить можно. Опять же, так они двигались намного быстрее – а тренироваться Зверев предпочитал с противником более быстрым и ловким, нежели тяжелый от панциря татарин или закованный в неуклюжие латы крестоносец. Готовься к худшему – тогда все прочие варианты будут казаться везением.

– Ты их в строю учил сражаться, Пахом? Вот и хорошо. Давайте все берите рогатины и плотным строем на меня наступайте. Посмотрим, кто кого...

С полчаса Зверев пробивался через напирających плечом к плечу копейщиков. Понятное дело – без особого успеха, хотя раза три он между наконечниками все же прорвался и холопов разметал. Потом настал черед схватиться на саблях – тут он неизменно опрокидывал парней, когда бой шел два к одному, и более-менее отбивался от троих согласованно действовавших противников. Затем последовали несколько поединков без щита, еще несколько – с ножом против сабли и с кистенем против Пахома. Старый воин, естественно, одолел – но дядьке пришлось-таки изрядно попотеть.

– Все, обед, – наконец решил князь. – Пахом, как поедите и отдохнете, заставь этих оболтусов с бердышом потренироваться. Чтобы работали железом без запинки, а не думали над каждым ударом, как с рогатинами.

– Нечто с рогатинами пешими дерутся, Андрей Васильевич? Ими с коня нехристей колют.

– А я про копыя ничего и не говорю. Пусть к бердышам привыкают. Илья, ну-ка принеси пару ведер от колодца. А ты, Изя, помоги железо все снять. Я мокрый, как в парилке. Потом в светелку все отнесешь, понял?

– Сделаю, княже, – поклонился поморянин.

– Ну так помогай!

Сполоснувшись ледяной колодезной водой, Андрей ушел к себе и переделался уже по-княжески: в сиреневую атласную рубаху, тонкие лайковые штаны, шитую золотом ферязь. Опоясавшись ремнем без сабли, только с ложкой, сумкой и ножами, и отправился в трапезную. К его удивлению, здесь все еще отсыпались несколько вчерашних бояр, а стол так и не убрали.

– Везде дворян одинакова, – поморщился Зверев. – Как хозяин за дверь, так и они на боковую. Ничего без окрика не делают.

Князь отрезал себе несколько ломтей холодной белорыбицы, закусил ветчиной и солеными рыжиками, запил квасом и, не тревожа уставших гостей, ушел прочь.

Зная, что князь Сакульский каждый день, вскоре после обеда, пешим отправляется в город, хозяйские холопы даже не предложили ему оседлать коня. Андрей сбежал по ступеням, пересек двор и оказался на мощенной дубовыми чурбачками улице. Сердце его уже колотилось от предвкушения встречи, душа пела, в животе появился легкий холодок, а ноги сами собой все ускоряли и ускоряли шаг. Полчаса – и он увидел впереди белостенную Успенскую церковь, крытую паперть, ведущие к вратам ступени. Глаза заскакали по нищенкам, нашли Ксению, что успела получить за последний месяц только с него не меньше гривны серебра, но продолжала побираться несчастными медяками.

Сводня тоже заметила князя, глаза ее округлились, она замахала руками – но вовремя спохватилась, превратила взмахи в торопливые крестные знамения, низко склонилась и, выйдя из череды попрошаек, направилась в сторону узкого переулочка за храмом. Зверев нагнал ее только за поворотом – старуха шарахнулась к чьему-то тыну, в густые заросли горько пахнущей серебристой полыни, испуганно закрестилась:

– Свят, свят, не видел никто!

– Чего не видел, Ксения? Пошли, хватит зелень топтать.

– Куда пошли, касатик?! Муж к зазнобе твоей приехал, князь Петр...

– Что?! – Андрею показалось, что внутри живота оказался рыболовный крючок и неведомый удильщик с силой дернул снасть, безжалостно раздирая потроха своей добычи. – Какой муж?!

– Князь Петр, воевода Путивльский. Ныне они с княгиней аккурат молебн за благополучное возвращение стоят.

– Черт! – схватился за голову молодой человек. – Я и забыл. Как же теперь... Все...

– Она-то, милая, прямо бледная вся, не хочет с тобой расставаться. Аж всплакнула, когда двугривенный мне кидала. Шепнула, к жене тебе ехать надобно. Деять, о чем сговаривались.

– О чем сговаривались?! – не понял Андрей.

– Про то княгиня не сказывала. Милостыню бросила, два алтына, да пока рядом стояла, перекрестилась, пару слов лишь шепнуть успела. Сказывала, тоскует без тебя, да про жену еще.

– Вот, черт! – Зверев зло сплюнул, чуть отступил, глянул в сторону храма.

– Ой, не ходи туда, касатик! Князь Петр увидит, неладное почует. Зело ревнив князь да буен во гневе. Побьет милую твою, как есть убьет.

– Он надолго, Ксения? Когда уедет?

– Вестимо надолго, сокол ясный, – покачала головой попрошайка. – Во такую даль рази на день-другой поскачешь? Месяц-другой всяко пробудет. Может, более. Коли государь на службе оставит, конечно. А то и в имение свое с женой отъехать может.

– Куда?! – схватил ее за плечо Андрей.

– Ой, больно, больно, пусти! – взывала Ксения. – Пусти, не виноватая я, он сам приехал! Откель мне знать, сколь его тут государь продержит? За службу князя все хвалят. Мыслью, назад пошлют, на воеводство. Да и сам он на покой не просится.

– Черт! – Зверев прикусил губу.

– А ты езжай, езжай касатик, – ласково попросила попрошайка. – Чего округ ходить? А ну на глаза князю попадешься? Токмо хуже будет. Съезжай пока с Москвы. Нечто дел у тебя иных нет, кроме как тут сидеть? Имение свое навести, приказчика проверить. Без хозяйского глаза оно знаешь как бывает... А возвратишься – зазноба твоя, глянь, и опять свободна окажется. Ох, как милуется после разлуки долгой, – завистливо покачала она головой, – ой, сладко милуется...

– Два месяца!

Два месяца его Людмила – единственная, желанная, ненаглядная – будет принадлежать какому-то старому хрычу, будет находиться в его лапах, в его власти, в его постели...

– Черт! – Андрей с силой ударил кулаком в тын.

Сводня испуганно втянула голову в плечи, оглянулась, закивала:

– А ты бы в кабаке какой зашел, меда хмельного выпил, гусяров послушал, на скоморохов потешился. Глядишь, сердечко-то и отпустит. Да и отъехал от греха с Москвы. Кабы не сотворил чего сгоряча... Токмо хуже милой своей сделаешь.

– Сама иди!

Он снова, не чувствуя боли, врезал по тыну кулаком, после чего развернулся и стремительным шагом вырвался на улицу. Скользнул взглядом по храму, но к церкви не повернул – хватило здравомыслия не затевать скандала. Вместо этого он, вернувшись на двор боярина Кошкина, скинул ферязь и, отогнав потного подворника, принялся злобно колоть недавно привезенные из леса полусырые ольховые чурбаки.

Через три часа, после двух груженных с верхом возков, злоба наконец утихла, превратившись в глухую тоску. Желание рвать и метать отпустило – теперь ему хотелось лишь завывать от бессилия, уйти куда-нибудь прочь от посторонних глаз, от знакомых и незнакомых людей, скрыться в пустынях, чащобах и снегах, остаться в одиночестве. Хорошо быть одному – ибо отшельнику никогда не испытать подобных мук. Отшельнику не познать ни любви, ни ревности, ни злобы, ни предательства. Счастливычки...

– Кваску испей с устатку, княже. – Пахом, уже давно наблюдавший от амбара за его работой, приблизился, протянул глиняную крынку. – Воды умыться зачерпнуть али в баню пойдешь? Намедни топили, еще теплая.

– Собирайся, дядька, – принял посудину Андрей. – Уезжаем...

И он жадно припал к шипучему, пахнущему ржаным хлебом, темному напитку.

– Прямо сейчас, что ли, Андрей Васильевич?

– Сейчас.

– Дык... Холопы отлучились, добро не увязано, тебе перед дальней дорогой попариться надобно, с хозяином попрощаться. Обидится ведь боярин Кошкин, коли пропадешь, слова не скажешь... А куда едем? Государь куда сызнова послал али своя нужда образовалась?

– Домой, – кратко ответил Зверев.

– Это, княже... – неуверенно промямлил холоп. – Домой, сиречь, в княжество? Али к отцу с матушкой поперед заглянешь?

– Домой – значит домой...

Князь Сакульский помедлил с ответом. Людмила желала, чтобы он уехал в княжество – издеваться над женой. Чтобы та от мужниных побоев и придинок в монастырь ушла. Однако видеть Полину, убившую их первенца, Звереву совсем не хотелось. Даже для того, чтобы хорошенько выпороть – как велит поступать с женами здешние обычаи.

– В Великие Луки поскачем. В Лисьино, к отцу.

– Стало быть, подарки отцу с матушкой выбирать пойдешь, Андрей Васильевич?

– По дороге куплю.

– Дык ведь Илья с Изей все едино в городе – серебро тратят, что после сечи с татар собрали. С дьяком Кошкиным еще попрощаться надобно, вещи увязать. Смеркаться скоро будет, а еще попариться надобно перед отъездом. Не грязным же в дальний путь выходить...

– Редкостный ты зануда, Пахом... – Все же разозлиться на дядьку, что воспитывал барчука с самой колыбели, учил держаться в седле и владеть оружием, что всегда был рядом, готовый закрыть собой в сече, а в миру – помочь советом, Зверев не смог. – Ладно, уболтал, в Москве переночуем. Но на рассвете тронемся! Собирайтесь.

* * *

– Доброе утро, Андрей Васильевич, рассольчику капустного не желаешь?

– Ой, мамочки... – Зверев попытался сесть, и от резкого движения немедленно со страшной силой заболела голова. Он приоткрыл глаза, осмотрелся. Деревянные струганные полати, сложенная из крупных валунов печь, бочки, котел, веники, острый запах березовых листьев и пива. – Боярин Кошкин где?

– На службу уже с час отъехал, княже. В Земский приказ.

– Надо же... Откуда у него силы берутся чуть не каждый божий день пировать, да еще и о деле государевом помнить? А все ты, Пахом, ты виноват. Прощаться надобно, попрощаться... – передразнил дядьку Андрей. – Обидится, дескать, хозяин. Вот, пожалуйста – «попрощались». Тебя бы на мое место!

– Дык, испей рассольчику, княже, – посоветовал холоп. – Я, как дьяк-то отъехал, зараз в погреб побежал, холодненького нацедить.

– Давай, – забрал у него Зверев запотевший серебряный кубок. – Чем вчера баню топили?

– Я уголька березового приготовил да холодца густого. Коней прикажешь ныне седлать али обождешь маненько, отдохнешь после веселья вчерашнего?

– Мы оба здесь свалились или только я?

– Оба до дома не дошли, Андрей Васильевич, – кивнул, ухмыляясь, дядька. – Ан в трапезной угощение уже накрыто было.

– Коли оба, тогда не так обидно, – морщась от головной боли, поднялся Андрей. – Седлай. Тут только застрянь – Иван Юрьевич еще раз пять отвальную устроить не поленился. Так на этом месте и поляжем... Обожди. Воды холодной ведро набери.

Пахом три раза подряд окатил господина ледяной водой, после чего князь Сакульский несколько взбодрился, допил рассол, закусив березовым углем и плотным, как сало, холодцом, натянул приготовленную еще с вечера свежую рубаху, порты и в шлепанцах отправился в дом, в свою светелку. Спустя полчаса он вышел уже опоясанный саблей, в алой, подбитой сиреневым атласом, епанче, в мягких, облегающих ступню, словно носок, сафьяновых сапогах цвета перспелой малины и в тонких коричневых шароварах.

– Пахом! Кони оседланы?!

– Как велено, княже! – Дядька удерживал под уздцы подаренного татарами вороного Аргамака, поглаживая его по морде. Однако скакун успокаиваться не желал: пританцовывал, ходил из стороны в сторону, недовольно фырчал.

Молодые холопы уже сидели в седлах: все в атласе, в тисненых сапогах, с новыми ремнями, ровно купеческие отпрыски. Красавцы. Изольд даже проколол левое ухо и вогнал в него большую золотую серьгу. Видать, нагляделся на дворянские наряды в своей Германии. Илья его примеру не последовал: он-то знал, что на востоке серьга хуже клейма – знак ненавистного рабства. На спины трех заводных коней были навьючены узлы, скрутки, холодно поблескивали увязанные поверх барахла бердыши.

– Юрту я брать не стал, княже, – перехватив его взгляд, сказал дядька. – Здесь с дозволения боярина оставил. Дома она нам ни к чему, а коли в поход исполчат, так все едино через Москву собираться станем. Тут и прихватим.

– Правильно решил, – кивнул Андрей, уже успевший забыть про взятую в порубежной стычке добычу. – Заберем, когда обоз до дома подвернется. С нею нам не меньше месяца до усадьбы тащиться. Сейчас лучше налегке прокатимся...

Он забрал у Пахома повод, с силой притянул скакуна к себе, поцеловал меж ноздрей, тут же взметнулся в седло и дал шпоры:

– За мной!

Однако вылететь из Москвы на рысях не получилось. Едва всадники оказались на улице, как чуть не под ноги князю кинулся боярин Иван Кошкин – весь бледный, без шапки, в одной тафье на лысине, с неестественно сбитой набок взлохмаченной бородкой, в волочащейся длинными полами по земле собольей шубе.

– Стой!!

– Что случилось, Иван Юрьевич? – Зверев натянул поводья, спешился, кинулся навстречу товарищу по братчине. – Никак, беда? Помочь? Что?..

– Не тревожься, Андрей Васильевич, – неестественно хриплым голосом просипел боярин. – В Москве ныне спокойно. Нужда у меня большая в друге нашем, боярине Храмцове. Имение у него недалеко от Дорогобужа, по Смоленской дороге. От города выше по течению верст двадцать, аккурат на клине промеж Днепром и Вержой, не заблудишься. До Великих Лук от него всего полтора верст, крюк небольшой. Сделаешь?

– Коли надобно – конечно, сделаю, Иван Юрьевич, о чем вопрос? – пожал плечами Зверев. – Не беспокойся.

– Так поезжай, – отстранился дьяк. – Поезжай скорее. Поезжай!

– Хорошо, еду... – удивленно кивнул Андрей. – Удачи тебе, друже. Здоровья...

Боярин Кошкин выглядел очень странно. Пожалуй, князь Сакульский поутру в бане и то был куда здоровее и опрятнее. И голос до такой степени пропить не успел. Но это не значило, что от поручения старинного отцовского друга и хорошего товарища самого Андрея можно было отмахнуться, как от глупой блажи. В конце концов, боярин Иван Юрьевич просьбы друзей исполнял всегда и ничего за это ни с кого не требовал.

– Ты того, боярин... Отдохнул бы пока, сегодня от службы отступил, – посоветовал дьяку князь Сакульский, поднялся в стремя и медленно проехал мимо держателя общей братчины, не отрывая от него взгляда. Боярин стоял на месте, лишь сильно повернул голову вслед гостям.

Однако сильно странным он сегодня показался. Тоже, что ли, похмельем мучился?

– Пахом, какие ворота на Смоленскую дорогу выходят?

– Смоленские, княже. Еще пять улиц проехать надобно, а там направо повернуть... А чего это боярин наш ныне пеший, без холопов, без ферязи?

– Не знаю... Может, случилось что... Ты же сам знаешь, лишнего Иван Юрьевич болтать не любит. Ладно, давай припустим. Может статься, в боярине Храмцове и впрямь нужда сильная возникла. Вызовем его в Москву, тем дьяку и поможем. Хватит болтать, за мной!

Зверев опять перешел на рысь. Спустя десять минут всадники выехали из тесной многолюдной столицы и по широкому, метров в пятнадцать, тракту понеслись на запад.

Застоявшиеся, хорошо отдохнувшие, сытые кони шли ходко, и уже в первый вечер путники миновали могучий Можайск – неприступную твердыню с высокой бревенчатой стеной, соединяющей каменные башни. Подступы к городу прикрывали сложенные из серого камня монастыри с зубчатыми стенами и многочисленными бойницами, смотрящими на близкую дорогу. Переночевав на постоялом дворе купца Кукарина, с рассветом князь Сакульский помчался дальше, чтобы заночевать уже возле древней Вязьмы. Потом еще один переход –

кони, изрядно уставшие, шли широким шагом, лишь иногда, ненадолго, посылаемые в рысь. Однако в сумерках довели-таки путников до самого Дорогобужа, не свалились.

Старинный город выглядел скорее крепостью: высокие земляные валы, почти на полсотни метров поднимающие над округой, прочные дубовые стены и накрытые островерхими шатрами башни. Вот только в ширину укрепление было всего метров сто и в длину не больше. В таком от набега спрятаться можно – но жить тесновато. Поэтому обитали бывшие кривичи внизу, под крепостью, в вольготно разбросанных по берегам Днепра избах. Дома, амбары, овины и уж тем более хлева стояли не на фундаментах, а на дубовых чурбаках. Вместо тынов хозяева огораживали дворы жердяными заборами, способными остановить разве что заблудившуюся корову или овцу. Оно и понятно – места тут больно беспокойные. То литовцы заявятся, то ляхи. А то и татар крымских дождаться можно. Раз в десять-двадцать лет дома свои горожанам запаливать приходится да под защиту крепостных стен бежать. Коли так – какой смысл надолго строиться? Лет десять-пятнадцать хозяйство выстоит, а там все едино новое рубить придется. Правда, постоялый двор все же окружен был частоколом из тонких, в два кулака, столбиков. Заезжие путники, купцы, торговые гости – они за товар свой всегда беспокоятся и на открытом месте возки не бросят. Побоятся, что к утру одни оглобли от обоза останутся. Таких без надежно укрепленного двора на ночлег не заманишь.

Впрочем, на сей раз путники место для ночлега особо не выбирали. Завернув в ворота первого попавшегося двора и передав покрытых пеной скакунов на попечение служкам, они наскоро перекусили в просторной, но почему-то безлюдной трапезной и отправились спать. И только утром, отдавая хозяину пять новгородских «чешуек», Зверев поинтересовался:

– Ты о боярине Храмцове слышал, мил человек?

– Прости, княже, не довелось, – мотнул головой упитанный и низкорослый розовощекий толстяк.

– А про Вержу?

– Реку, что ли, боярин? Дык, это верстах в двадцати отсель, супротив течения идти надобно. Только вы не вдоль Днепра скачите, здесь у нас берега топкие. Вы назад, по Смоленской дороге с полверсты возвернитесь – там межа, за ней зараз налево проселок идет. По нему и скачите. Он верст пять полями петляет, а опосля к Днепру выведет.

– Спасибо, хозяин. Бог даст, еще увидимся.

– Счастливого пути, княже.

Нужный поворот путники нашли без труда: заросшую ромашками межу, отделяющую хлебное поле от грядок с сочной свекольной ботвой, трудно не заметить. За ней и желтели две пыльные колеи.

После широченного наезженного тракта дорога, на которой с трудом помещались стремя к стремени два всадника, показалась непривычно узкой. Когда же проселок, пару раз вильнув от участка к участку, оказался среди конопляного поля, притихли даже молодые, вечно болтающие холопы. Зеленая стена поднималась на трехметровую высоту, скрывая всадников с головой. Сквозь плотно растущие стебли не проникало ни единого постороннего звука. Со всех сторон – лишь перешептывание трущихся друг о друга стеблей да низкое жужжание деловитых шмелей, собирающих нектар с желтых метелок. Отвернешь по какой нужде, потеряешь направление – и никого ни в жизнь не докричишься, ничего дальше вытянутой руки не разглядишь...

– Славная ныне пенька уродилась, – стряхивая наваждение, громко высказался Андрей и пустил Аргмака в рысь. Стебли замелькали, смыкаясь в единое зеленое полотно, застучали копыта, выбивая серую пыль.

Поворот, еще поворот, и наконец впереди открылся просвет: длинные шпалеры с огуречными плетями, а за ними – густой серый осинник.

– Наконец-то, – широко перекрестился Пахом. – А я уж неладное заподозрил.

– Чего тут может быть неладного, дядька? – переходя на шаг, обернулся Зверев. – Мы же не купцы. Товара у нас мало, а сабель много. Кому охота с такой добычей связываться? Чай, не смерды. Смотри, а вот и Днепр. Не обманул, стало быть, хозяин. Теперь и вовсе не заблудимся. Коли шагом – к полудню, верно, доберемся.

Утоптанная тележными колесами колея тянулась вдоль самого берега, лишь изредка спрямляя излучины или огибая заросшие лопухами овраги. Леса, как ни странно, на пути не попадалось – не считать же за таковой раздавшийся осинник или молодой березняк? Дорога смело прорезала насквозь самые густые заросли – только успевай от веток отмахиваться. На лугах же и полях часто попадались коровьи лепешки и овечьи катышки. Стало быть, жилье человеческое поблизости имеется, не простаивает земля без дела. Когда же по правую руку открылись длинные грядки с репой, стало ясно, что деревня совсем рядом. Далеко от дома огород копать не станут.

И правда, обогнув очередной осинник, обосновавшийся в заболоченной низине, путники увидели на пологом взгорке деревню в пять дворов. Зверев слегка ударил Аргамака по крупу, пуская в галоп, и подлетел к мужику в сером кафтане из материи, смахивающей на мешковину, что вкапывал столб перед темной от времени избой-пятистенком.

– День добрый, хозяин. Про боярина Храмцова не слышал? Сказывали, поблизости где-то его усадьба.

– И тебе здоровья, боярин, – скинув шапку, тоже из мешковины, низко поклонился смерд. – Коли ты про сына боярского речь ведешь, так и впрям недалече его усадьба. На том берегу, за Днепром. Отсель верст пять, не более. К водопою спустишься – так по ту сторону тропинка к ней ведет. Заметная, не промахнешься.

– Спасибо, хозяин, – кивнул с седла Андрей и, махнув рукой холопам, поскакал со взгорка вниз, к широкому глинистому провалу меж травянистых склонов, истоптанному коровьими и лошадиными копытами. Река здесь представляла собой протоку ненамного шире Окницы в усадьбе Лисьиных: метра четыре в ширину и от силы по колено в глубину.

– «Чуден Днепр при ясной погоде, – с чувством продекламировал Зверев. – Не всякая птица долетит до середины Днепра!».

– Что сказываешь, княже? – не расслышал Пахом.

– Говорю, совсем рядом тут до Храмцовского дома. Считаю, приехали... – Он смело пустил Аргамака в известную половине мира великую реку и, не замочив стремян, легко поднялся на противоположный берег.

Тропинка различалась легко – полоска земли была вытоптана так, что даже подорожник не рос. Князь оглянулся на холопов и, убедившись, что они тоже перебрались на эту сторону, пустил скакуна рысью. Пять верст не расстояние, за полчаса покроют.

Тропинка пошла наверх, забираясь на самую вершину лысой, без деревьев и кустарника, горки. На макушке Андрей чуть натянул поводья, оценивая открывающийся вид. Немного древесных крон справа, немного – слева, а впереди, насколько хватало глаз, золотилась высокая сочная конопля, главное сокровище дорогобужских земледельцев.

– Хорошо, про курение тут никто никогда не слышал, – усмехнулся Зверев и пустил Аргамака прямо на зеленую стену, в которой тропинка прорезала лишь узкую, по ширине человеческих плеч, щель.

Деревня боярина Храмцова открылась неожиданно. Резко, без предупреждения, оборвались конопляные заросли – и впереди, окруженные березами с мелко дрожащей листвой, открылись близко поставленные избы: одна большая, вроде северной, с крытым двором, и семь пятистенков.

– Кажется, добрались... – пробормотал Андрей. – А где усадьба?

Послышался истошный визг; из малинника, что раскинулся между полем и деревьями, к домам с визгом кинулись несколько босоногих детишек, тут же из домов выскочили две жен-

щины. Слева, откуда-то из поля, показался мужик с лопатой в руках. Зверев широко перекрестился, успокаивая людей. Пусть видят, что свой приехал, православный. Мужик и вправду опустил лопату, вглядываясь в чужаков, а вот бабы все равно загнали малышню в избы. Между тем к князю подтянулись холопы, и отряд из четырех путников широким шагом въехал в деревню.

– Эй, красавица, – окликнул Пахом идущую с коромыслом женщину, так старательно закутанную в платок, что наружу выглядывали только нос и глаза. – Где здесь усадьба боярина Храмцова?

Та медленно повернулась, махнула руками в сторону большой избы.

– За деревней, что ли?

– Да вот же она, – простуженным голосом ответила крестьянка и снова указала на дом. – Лукерья Ферапонтовпа, вдова Агария Петровича, там ныне, горюет.

– Горюет? – встревожился Андрей. – Отчего?

– Доля вдовья тяжкая, – лаконично ответила женщина и двинулась вдоль забора по своим делам.

– Какая же это усадьба? – не понял Зверев. – Как ее оборонять? Где холопы, дворян живут? Коней, скотину где хозяин держит?

– Боярин это али сын боярский? – задал более верный вопрос Пахом.

Разница была существенной. Боярин получал землю из рук государя, перед государем отвечал, по государеву требованию людей на службу выставлял. И поместье боярское большей частью размеры имело достойное – чтобы не одного человека, а хотя бы десяток воинов боярин содержать мог и с собой на рать выводить. Сын же боярский свой участок от боярина получал, хоть и не являлся его отпрыском. Такие жесты помещик позволял себе в отношении обедневших родичей, безродных знакомых либо еще кого, кто был способен и за землями неудобными присмотреть, за деревней, что стоит на отшибе, и в поход воинский выйти. Только уже не по разряду из приказа царского, а по воле своего боярина. Потому и земли у сына боярского обычно имелось всего ничего – себя да пару холопов прокормить, – и ни о каких усадьбах у детей боярских никто никогда не слышал. Он ведь хотя и не холоп, но человек все же подневольный.

Всадники распугали кур, что выклевывали просыпанное перед крыльцом просо, спешились. На защиту птиц кинулся было рыжий лохматый пес – да веревка коротка оказалась, и он залился злобным бессильным лаем. На шум из дома выглянул мальчишка лет десяти, в рубахе, шароварах и сапожках, опоясанный атласным красным пояском. Русые волосы удерживались идущим через лоб ремешком.

– Стой, малец! – окликнул его Зверев. – Где тут река Вержа?

– Я не малец! – возмутился постреленок. – Я боярин Храмцов!

Путники изумленно замерли, переваривая услышанное. Мальчишка же, потоптавшись, махнул рукой за деревню:

– А Вержа там. Коли по дороге, так верстах в пяти отсель.

– Значит, это земля между Днепром и Вержей... – Андрей перевел взгляд на дядьку. – Правильно, выходит, прискакали.

– Здрав будь, боярин, – стащил с головы шапку Пахом. – Сие князь Сакульский пред тобой стоит, Андрей Васильевич. Скажи, сделай милость, а иных бояр Храмцовых здесь поблизости нет?

– Я единственный! – развел плечи мальчишка. – Я боярин Храмцов, да отец мой, сын боярский. А иных Храмцовых окрест нет и быть не может!

– С кем ты там речи ведешь, сынок? – приотворилась дверь.

– Это князь Сакульский, мама, – оглянулся мальчишка. – Они путь к Верже ищут.

– Ой, господи! – Дверь с громким стуком захлопнулась.

– Между Вержей и Днепром... – со вздохом повторил Зверев, покачал головой и решительно отпустил подпругу. – Лошадей у тебя можно напоить, боярин? Путь долгий прошли, устали.

– А-а... – Мальчонка растерялся, и плечи его сами собой сошлись вперед. – Это... За домом хлев, конюшня. Там вода в бочках отстаивается... Теплая.

– Илья, Изя... – бросил поводья холопам Зверев. – Пахом, ты со мной останься.

Парни, собрав за поводья лошадей, повели их вокруг боярских хором. Тут опять отворилась дверь, с крыльца спустилась женщина лет сорока с усталыми глазами. В высоком кокошнике, в полотняном вышитом сарафане и в бархатной безрукавке почти до колен, она выглядела зажиточной крестьянкой, ради праздника доставшей из сундуков лучшие наряды. Золотые серьги, два перстня, жемчужная понизь – вот и все украшения. Хозяйка низко поклонилась, протянула резной деревянный ковш:

– Добро пожаловать, гость дорогой. Вот, испей кваску с дороги.

– Благодарствую. – Зверев тоже поклонился, принял корец. – Пусть дом твой будет полной чашей, как этот коваль...

Он с удовольствием выпил холодного кваса, но живот вместо благодарности недовольно забурчал. Почти весь день в пути – желудок требовал чего-нибудь посущественнее.

– Гость в дом – радость в дом, – опять поклонилась женщина. – Входите, подкрепитесь, чем Бог послал. Я покамест баню велю истопить. Юра, чего застыл, поклонись князю! Гость же твой!

– Здоровья тебе, княже, – приложив руку к груди, послушно поклонился мальчишка. – Что за нужда привела тебя в наш дом?

– Да что же ты, сынок, – всплеснула руками женщина. – Ты сперва напои, накорми, баню истопи, а уж потом вопросами гостям досаждай!

– Послал меня боярин Кошкин, дьяк Земского приказа, – ответил Зверев. – Велел боярина Храмцова немедля в Москву вызвать. Дело у него какое-то. Может, государево, может, по братчине нашей хлопоты – подробнее не говорил.

– Как же так? – остановилась на ступенях Лукерья Ферапонтовна. – Муж мой ведь уж шесть годков как голову в порубежье литовском сложил, царство ему небесное... – Она несколько раз перекрестилась, прошептала что-то себе под нос. – Боярин Сафонов, милостивец, не гонит с земли, сирот на нищету не осуждает. Может, ему о том передать? Я с рассветом вестника снаряжу.

– Я съезжу, мама! – вскинулся мальчишка. – Я ведь ныне боярин Храмцов!

– Оставь, сынок, – отмахнулась хозяйка. – Тебя покамест и в книгах разрядных нет, и в листах переписных.

– Странно... – пожал плечами Андрей. – Иван Юрьевич в точности указал, кого позвать. Земли между Днепром и Вержей, боярин Храмцов. У вас тут между реками других имений нет?

– Откель, княже? С севера в пяти верстах Беленый лес начинается, а в иных сторонах реки текут. Как прадед боярина Сафонова роду нашему клин этот отвел, так никто окрест более не появлялся. Да чего же мы встали? К столу пойдемте! Оголодали, поди, с дороги?

Изнутри дом Храмцовых отличался от обычного крестьянского разве только размерами. Просторные сени, над которыми белели стропила крыши, справа и слева – большие срубы, каждый со своей печью. Третья печь стояла на кухне – выгородке из плотно подогнанных жердей, занимающей немногим меньше половины сеней. На чердаке, над срубами, уже пахло пряными полевыми травами заготовленное к зиме сено. Молодец вдова, хозяйство не запускает.

Боярская половина была слева. Три комнаты: застеленная вытертыми коврами, просторная трапезная, разгороженная на две половины простенком детская – вряд ли для дворни

перину на топчан класть будут, сундуки ставить да пол ковром застилать; дверь в третью светелку оказалась закрыта, но, скорее всего, там располагалась барская опочивальня.

– Вот холодненьким перекусите, покуда баня топится. Прощения просим за скудость. Тяжко вдове дело мужицкое волочить.

Пока хозяйка вела на улице разговоры, стряпуха успела выставить на стол янтарное заливное, в котором белели крупные белые куски неведомой рыбы, блюдо с копчеными окунями, моченые яблоки, квашеную капусту, лоток с груздями и лоток с рыжиками, румяные пряженцы, осетровый балык, халву, залитый медом кунжут. В общем, похоже, Зверев в очередной раз не заметил какой-то из постов. Хотя – для путников любые посты отменяются.

– У меня там еще двое холопов с лошадьми заняты.

– Я велю, их покормят, – кивнула хозяйка, окинула взглядом угощение и повернула голову к дверям в сени: – Меланья! Меда хмельного принеси! Как же мужи – и без хмельного? Гостям можно.

– Мы ненадолго, хозяйюшка, – предупредил Зверев. – До темноты время еще осталось, верст десять успеем проехать. Мне бы теперь к Великим Лукам как-то выбраться. Отсюда прямая дорога есть? А то к Дорогобужу возвращаться не хочется. До него двадцать верст, потом опять на север столько же. Полный день, считай, потеряю.

– И думать не думай, княже, – решительно мотнула головой Лукерья Ферапонтовна. – Куда тут ехать? В лесу дремучем ночевать? Дорога отсель до Великих Лук малоезженная, постоянных дворов почитай что и нет. Рази на Меже вроде был, у самолета². Ак Дорогобужу засветло всяко не поспеете.

– Есть, значит, короткая дорога? – обрадовался Андрей.

– Да уж не через Москву катаемся, княже, – усмехнулась женщина. – Коли от нас ехать, за Вержей развилка будет. Самая левая дорога заросла, она к наволоку ведет, а из двух других по левой надобно отворачивать, которая хуже нахожена. Самая заметная к усадьбе благодетеля нашего ведет, боярина Сафонова. Дальше по плохой дороге поскачете – опять развилка будет. Которая лучше раскатана – то к Дорогобужу, а которая хуже – как раз на север, к Шайтару и Сколоте. И дальше аккурат до Великих Лук. Да там, в деревнях, и спросить можно. Селений меж трактами не много, однако же и там люди живут. Однако я все болтаю да болтаю. Простите Христа ради. Садитесь, гости дорогие, угощайтесь. И мне, княже, кубок налей, Бог простит.

Баня у Храмцовых топилась по-белому, так что гости смогли отправиться в парную уже часа через два по приезду, когда угли в топке еще только догорали, а вода во вмазанном в камни котле не успела закипеть. Путники ополоснулись, привычно забрались на полки, в тепло.

– Зело странно сие, княже, – негромко пробормотал Пахом, уронив голову на сложенные руки. – Как мог дьяк послать нас за человеком, коего уж шесть зим на свете нет? Коли знаком был ему боярский сын, то за шесть годов всяко весть о кончине до Москвы донеслась бы. А коли незнаком – отчего так в подробностях ведает, куда скакать, где искать?

– Ты это к чему, дядька? – поинтересовался Зверев.

– А может, и не Иван Юрьевич вовсе это был? – повернулся набок холоп. – Помнишь, как от нас в Новагороде ушкуй увели? Тогда Риус тоже уверял, что это я ему твой наказ передал. А я и не отлучался вовсе. Так, может статься, и здесь нам глаза кто-то отвел, заморозил, заморозил? Мы его за боярина Кошкина приняли, а то чародей был злобный. Опять же, выглядел дьяк странно. Пеший, кривой какой-то, бледный. Коли вспомнить в подробности, то зело странным он показался при прощании.

– Может быть... – пожав плечами, согласился Андрей. – Однако измелечал князь Старицкий, и Белург опустился. Раньше мертвых поднимал, а ныне мелкими пакостями занимается. Я за минувший год по осени заговор им развалил, не дал Иоанна отравить. Это раз. Заго-

² Самолетом на Руси называли паром.

вор на бесплодие с царицы снял. Это два. Жалко только, доказательств найти не удалось, а то б они и сами на дыбу угодили. А они в ответ что? С Пуповского шляха на Смоленскую дорогу меня своротили, чтобы я крюк по дороге домой сделал.

– А как они узнали, что ты не домой, а к отцу в усадьбу отправишься? И когда поедешь?

– Вот черт! – Зверев рывком сел на полке. – Если они знали, когда я отъеду, знали, что в Москве остаться не захочу, значит... Значит, они за мной следили! Значит, и про...

В последний момент Андрей успел прикусить язык. Даже его холопам не стоило слышать о княгине Шаховской и их отношениях. Вот только... Вот только князь Старицкий, получается – знал. Зверев кашлянул и поменял тему:

– Это из Москвы дороги разные. А отсюда что к отцу, что в княжество – все равно через Великие Луки придется ехать. Как ни крути, крюк в полтора верст, если не больше, получается. Хоть в мелочи, а нагадили.

– Я об чем мыслю, княже, – опять заговорил Пахом. – Больно много хлопот для мелкой подлости. Поперва следить, опосля колдовство затевать, глаза отводить. Как бы душегубства не затеяли недруга твои. В Москве оно ведь убийства тихо не сотворишь. Враз все узнают. На кого во первую руку подумают? На недруга твоего, о коем ты боярину Кошкину сказывал, государю челом бил. А здесь, в чащобах, сгинет князь Сакульский тихо, и не заметит никто. Из первопрестольной выехал, ан никуда не добрался. А где он, что он – неведомо.

– Какой ты кровожадный, Пахом.

– Меня к тебе батюшка аккурат для того навечно и приставил, дабы я о покое и голове твоей заботился, – не принял шутки дядька. – Пропадешь – и на том, и на этом свете себе не прошу.

– Я знаю, Пахом. – Андрей снова вытянулся на полке. – Потому и верю, как себе самому.

– Ты бы, княже, в кольчуге походил, пока до усадьбы отцовской не доберемся. И саблю завсегда при себе держи. Мало ли чего...

– Ну насчет кольчуги ты, пожалуй, перегнул, – ответил Зверев. – Кого тут бояться? Баб деревенских да смердов с лопатами? Но про саблю помнить буду, убедил.

– Иной раз лопатой не хуже, чем мечом, голову снести можно.

– Нечто я саблей против лопаты не управлюсь, Пахом? Перестань, лето на дворе. Тут не меньше четырех дней по самому зною ехать. Хочешь, чтобы я по дороге зажарился до полусмерти? Авось, так обойдется.

После бани разморенных гостей ждало горячее угощение: запеченные куриные полти, пряная уха из судака с шафраном, несколько лотков с зайцами. Хозяйка совсем расслабилась, с удовольствием прикладывалась к меду, а когда юный боярин Храмцов заснул, пристроив голову на сложенные руки, удостоила своим вниманием и скоромную пищу. Кокошник с ее головы исчез, сменившись прозрачной жемчужной понизью, куда-то делась и безрукавка. Впрочем, во время пира Зверева это только радовало – разве повеселишься спокойно, если ты пиво курятиной закусываешь, а хозяева рядом воду пьют и рыбные косточки обглаживают? Однако, когда кувшины опустели, когда Илья с Изей отнесли барчука на перину, астряпуха начала невозмутимо убирать со стола, Лукерья Ферапонтовна поднялась, перекрестилась на икону, что была спрятана в углу за тонкой сатиновой занавесочкой, взяла с центра стола трехрожковый подсвечник:

– Холопы твои, княже, пусть на сеновале спят. Ныне не замерзнут. А тебе я светелку чистую отвела. Пойдем, покажу.

– А может... я тоже на сеновале, боярыня? – кашлянул Зверев. – К чему беспокойство?

– Помилуй, княже, что люди скажут? Достойного гостя хозяйка, ровно челядь, в траву ночевать погнала?

– Я человек привычный. В походе ратном и на земле спать доводилось.

– Ты не в походе, княже, – с неожиданной холодностью отрезала Лукерья Ферапонтовна. – Ступай за мной, постель твою покажу.

Андрей поймал краем глаза ухмылку Пахома, поморщился, но поднялся. Когда тебе не делают прямых предложений – трудно ответить решительным отказом. Вот и оказываешься в положении глупейшем. Не то чтобы вдова Храмцова была неприятна, некрасива, не то чтобы он отказался бы в пути от небольшого сладкого приключения – но вот пока что не испытывал Зверев никакого интереса к дамам ее возраста. Даже вполне приятным на вид. И уж, конечно, развлекать ее не нанимался, с какой бы радостью Лукерья Ферапонтовна князя Сакульского ни привечала.

«Как же от нее отвертеться, чтобы не обидеть?» – лихорадочно думал он, следуя за женщиной. Чем кончается показ постели гостю, он отлично знал – не первый год по Руси ездил. Правда, чаще всего с таким поручением девок дворовых присылают. Помоложе, поядренее. Жене своей такого поручения ни один боярин не даст. Но если хозяйка вдова – кто же ей запретит?

Они миновали сени, вошли во второй сруб. Здесь было темно, явственно припахивало кислятиной. Но не сильно – как от старой вещи, забытой в дальнем углу.

– Здесь у меня людская, – пояснила Лукерья Ферапонтовна, посветив в одну из дверей. – Там мужики спят, тут бабы. Ну и холопы, коли кто из бояр заезжает. А сия светелка аккурат для дорогих гостей...

Зверев наклонился, вслед за женщиной ступая в низкую дверь. Хозяйка обошла постель, запалила от своего подсвечника две свечи у изголовья широкой постели, отступила, обвела рукой комнату:

– Скромно, княже, однако в чистоте содержим, не беспокойся. Чем богаты. Коли на двор пойдешь, затвор за собой прикрывай. Ныне все уж дома, никого не ждем. Спокойной тебе ночи... – Лукерья Ферапонтовна низко поклонилась и вышла из светелки.

– Фу-ф, – отер лоб Андрей. – Ай-яй-яй, как я мог подумать так плохо о приличной женщине? Она всего лишь показала мне светелку. Это у меня только одно на уме.

Он отступил к стене, чтобы не загоразживать свет свечи, огляделся. Комнатка и вправду была скромная: сундук у стены, лавка, табурет да подставка небольшая рядом с топчаном. Зато постель – широкая, застеленная чистым бельем, с двумя высокими подушками и перьевым одеялом – выглядела роскошной. А что еще для ночлега надобно!

Князь Сакульский сладко потянулся, снял пояс, кинул на лавку, рядом положил епанчу, сел, собираясь стянуть сапоги, но вовремя спохватился:

– Чего там хозяйка про двор говорила? Засов закрывать? Значит, удобства на улице. Лучше сейчас сходить, чтобы ночью не вскакивать...

Зевнув, он выпрямился, притопнул ногой, поправляя сапог на место, на ощупь побрел через коридор и сени, нашел толстый деревянный засов, сдвинул его и выбрался на крыльцо. В лицо тут же дохнуло пьянящей свежестью, аж голова закружилась.

– От конопли, что ли, ветер дует, – усмехнулся Зверев и сбежал по ступеням вниз.

Полуночная темнота вовсе не была непроглядной. Черное небо оставило в этот раз землю без звезд, без луны – но слабый свет откуда-то все же сочился, позволяя различить силуэты двух деревьев за домом, угол крыши, бревенчатую стену, будку с безмятежно дрыхнувшей собакой.

– Бездельник лохматый, – покачал головой Андрей. – Хозяева на боковую, и он тоже. Кто дом сторожить будет?

Псина не ответила. Только кузнечики застрекотали еще громче и старательнее, да соловьями залились лягушки на неведомом приезжем водоеме. Зверев прошел несколько шагов в одну сторону, в другую и понял, что отхожего места найти не сможет. Темно слишком, чтобы

в незнакомом месте бродить. Пришлось обойтись кустами бузины, что они миновали, подъезжая к дому.

– Ой, хорошо-то как! – возвращаясь, глубоко вдохнул Андрей теплый летний воздух. – Всегда бы такая погода стояла. Не душно, не холодно. И поля не сушит.

Краем глаза он заметил какое-то шевеление возле дерева за домом, повернулся, рука привычно скользнула к поясу... оставленному в светелке вместе с кистенем и саблей.

– Кто там?! – грозно прикрикнул Зверев. – А ну, выходи!

В плотных сумерках повторилось неясное темное шевеление, после чего от дерева отделилась тень с человеческими очертаниями, скользнула ближе.

– Кто крадется?! Отзовись! – Глаза Андрея заматались по сторонам, пытаясь найти хоть что-то, способное заменить оружие, но земля в ночи казалась однообразно черной, без травы, тропинок и каких-либо предметов. – Кто идет?!

– То я, боярин, Цветава, – почему-то шепотом ответила незнакомка. – В дом хозяйский иду.

– Цветава? – Зверев усмехнулся своим страхам. – Красивое имя. Интересно, сама ты какова?

– Гляди, боярин, коли любопытно... – Незнакомка приблизилась метра на три, и сумерки позволили различить полуразмытые черты лица, обернутую поверх головы толстую косу, высокую лебединую шею, узкие плечи, свободно ниспадающее тонкое платье. Или это исподняя рубаха?

Тут не к месту протяжно, по-волчьи взвыла в будке сонная псина, и девушка резко остановилась.

– Ты и вправду Цветава, – тихо сказал Андрей. – Словно цветок полевой, тонка и красива.

– А ты, боярин, сказывают, князь? – чуть склонила она набок голову.

– Есть немного, – подтвердил Зверев под аккомпанемент собачьего воя.

– А вправду сказывают, боярин, что князя русские так горды, что к барышням безродным не прикасаются совсем, как бы любовью сердечко девичье ни томилось?

– Ты хочешь это проверить, Цветава? – сделал шаг навстречу Андрей, и тонкие, словно выточенные из слоновой кости черты женского лица наконец проступили из сумрака.

– Хочу, боярин, – протянула руки навстречу девушка и...

– Кто здесь?! – Хлопнула входная дверь. – Что за шум? Ты чего разошелся, пустобрех?

– Это я, Лукерья Ферапонтовна, – отозвался Зверев. – Вышел перед сном немного проветриться.

– Прости, княже. – Женщина опустила топор и запахнула полы тулупа. – Слухи у нас тут дурные ходят. Да и пес... развылся.

– Я уже возвращаюсь... – Андрей повернулся к Цветаве, но девушка исчезла, словно ее и не было. Видать, хозяйки испугалась. Князь Сакульский разочарованно махнул рукой: – Ну вот... Иду, Лукерья Ферапонтовна, иду. Не беспокойся, боярыня, я дверь закрою.

После улицы и темных сеней светелка показалась залитой ярким светом. Однако делать при свете тут все равно было нечего. Андрей стянул сапоги, рубаху, развязал пояс портов и влез под одеяло, на чистые прохладные простыни. Сладко потянулся, дунул на свечи и закрыл глаза. Но едва он начал проваливаться в сладкую дрему, как скрипнула на подпятниках дверь, послышались осторожные шаги.

– Кто здесь? – рывком сел на постели Зверев, пытаясь разглядеть в полной мгле, где лежит его оружие.

– То я, княже, не беспокойся, – отозвался Пахом.

– Чего ты тут делаешь?

– Я помыслил... От, проклятье! – В темноте послышался грохот. – Я так помыслил, лучше с тобою... Ой, язви его холерой!

– Зажги свет, переломаешь тут все впотьмах!

– Сейчас, княже...

Холоп запыхтел, зашуршал, послышался стук кресала, в свете искр проступили непослушные Пахомовы лохмы, торчащие в разные стороны что из бороды, что на макушке. Дядька подул на мох, подсунул тонкую полоску бересты.

– Свечи здесь, у меня.

– Вижу, княже... – Пахом запалил фитили и торопливо бросил на пол бересту, придавил сапогом.

– Так чего ты задумал?

– Рази забыл ты, княже, об чем мы в бане перемолвились? Странно сие. Боярин Кошкин странный, боярин Храмцов, царствие ему небесное. Я с тобой рядом переночую, княже, от греха. Мало ли чего? Вон, промеж постелью твоей и стеной аккурат для меня места хватит.

– На лавку ложись, чего на холодном полу мучиться?

– Лавка узкая, свалюсь, не дай Бог. А на полу я овчину расстелю, завернусь, ты меня и не заметишь, княже, не побеспокою. И тепло мне будет, и мягко... А чего это пояс твой в стороне лежит? – повысил на господина голос холоп. – Мы об чем речи вели?! Настороже быть надобно! А ты саблю от себя за версту кидаешь. Понадобится – и не найдешь.

– Что же мне ее – под подушку класть? – вяло огрызнулся Зверев.

– А хоть и под подушку, – подобрал оружие Пахом и принес Андрею, – али рядом пристрой.

Князь покрутился, пристроил пояс с одной стороны, с другой. Получалось неудобно: повернешься во сне, все бока о пряжки и ножны исцарапаешь. Тогда он опустил руку и положил саблю вниз, на пол, рукоятью как раз на уровне плеча. В таком месте ее даже в полной темноте за секунду нащупать можно.

– Это дело, – похвалил холоп, развернул в ногах, на полу, серую потертую шкуру, аккуратно разложил поясной набор, развернув к себе рукоятями и ножи, и саблю, после чего привычно закатался в овчину. Прямо сосиска в тесте.

– Ну все? – поинтересовался Зверев.

– Все, княже. – Голос из «скатки» звучал приглушенно, как из-за стены. – Спокойной ночи, Андрей Васильевич.

Молодой человек опять забрался под одеяло, потянулся, наклонился к свечам, чтобы задуть огонь, и тут дверь скрипнула снова. Из-за створки выглянуло бледное лицо.

– Цветава? – неуверенно приподнялся он на локте.

– Я, княже. – На тонких губах появилась улыбка. Девушка бесшумно скользнула в светелку и притворила за собой дощатую створку. Склонила набок голову. – Неужели ты и вправду снизойдешь своей милостью до простой деревенской девицы?

На свету она оказалась даже красивее, чем он думал на улице. Острый носик, большие зеленые глаза, слегка изогнутые тонкие брови, высокий лоб, чуть втянутые щеки, тонкий, чуть выдвинутый вперед подбородок. Непривычная красота для русских просторов, где девки сплошь румяные и упитанные, как праздничные пирожки. И откуда такая взялась в этой храмцовой глуши?

– Можешь проверить... – Он слегка откинул одеяло.

Про Людмилу в эти секунды князь забыл начисто. Да и можно разве назвать это изменой? Так, небольшое приключение. В душе он по-прежнему принадлежал только княгине Шаховской.

Ну а телом... Подумаешь, пара сладких глотков не из своего колодца! Что в этом страшного? Ведь о любви деревенская простушка и сама не заикалась.

Цветава сделала шаг ближе, опустила руки, прихватывая чуть ниже пояса ткань рубашки, потянула ее вверх, избавляясь от лишней одежды.

«Что-то в ней все же не так...» – краешком сознания отметил Андрей, но глаза уже пожирали молочно-белое обнаженное тело: невысокую, но крепкую грудь с алыми острыми сосками, подтянутый живот с ямочкой пупка, покатые бедра и манящий темный треугольничек, прячущий врата наслаждения. Девушка уронила на пол белую ткань, сделала еще шаг.

«Чего-то не хватает», – опять кольнула тревожная мысль.

Цветава улыбнулась, скромно потупя взгляд, прикрыла грудь и низ живота ладонями, отчего показалась еще более соблазнительной. Но Зверев никак не мог отдаться эмоциям, потому что в душе неприятно скреблась мысль о странном, но пока непонятном несоответствии. Что-то было не так!

До обольстительной селянки оставалось всего метра полтора, два шага. Похоже, выражение лица будущего любовника, его неправильное, непонятное в такой ситуации поведение обеспокоило гостью. Улыбка из соблазнительной на миг стала каменной. Она оглянулась... И в тот же миг Андрей понял: на стене за ней не было тени!

– Р-р-ау! – сорвался с изящных губ утробный рык, и Цветава прыгнула вперед, словно нырнула: руками и пастью к добыче.

Зверев крутанулся навстречу, и в тот миг, ког да девица вцепилась в перину, он уже падал на пол, еще в полете хватаясь за спасительную сабельную рукоять. Нежить, зашипев, развернулась, ее голова появилась над краем постели, и в тот же миг по лебединой шее хлестко ударила отточенная сталь. Голова упала, ударилась Андрею о грудь и покатилась к двери, рассыпая косы. Тело же держалось на четвереньках еще с минуту, задумчиво покачиваясь, а потом тихо опустилось на постель.

– Кто это был? – Пахом выпутался из шкуры и стоял готовый к схватке: без порток, но с саблей.

– Крови-то как мало. – Зверев стер с груди несколько капель, упавших с тела, и наконец-то встал, вогнал клинок в ножны. Наклонился к телу, ткнул пальцем: – Надо же, мягкое. Только холодное. И соломой пахнет. Совсем не ладаном. И не мертвечиной.

– Господи, княже! – испуганно перекрестился холоп. – Да ты же ее убил!

– Ты тоже заметил? – скривился Андрей. – Ведьма это была. Или упырь. Какая теперь разница?

Он взялся за тело, ухватив под мышками, рванул к себе, и оно со стуком рухнуло на пол. Постель выглядела более-менее целой. Только десяток дырочек на простыне, словно огромная кошка пыталась поймать под ней мышь. Правда лечь на эту перину снова Звереву почему-то не хотелось.

– Ты убил ее, княже.

– Убил, – передернул плечами Андрей. – А должна была она меня прикончить? Как думаешь, может, ради этой красотки Белург меня сюда и заслал? Он ведь парень основательный. Подготовил засаду, да и отправил в капкан. Подальше от Москвы, чтобы подозрений...

– Тебя за душегубство под следствие возьмут, княже. Господи, как же так?

– За что? Это же...

– А кто об том ведает? Кабы знали о ней крестьяне, батюшка здешний, боярыня – быстро бы кол осиновый для упыря заточили али митрополиту колдунью передали. Мыслью, все окрест ее простой девкой считали. Потому и в историю нашу, княже, не поверят. И убил ты ее не в лесу, не на проезжем тракте, а в боярском доме. Да еще голую и в постели. Посему и татем ее назвать нельзя. Кто же поверит? Голая девка – и тать!

– Ч-черт! – До Андрея дошел весь неприглядный смысл ситуации. Приехал гость, остался в доме, а ночью девицу, с которой в постели ласкался, взял да и зарезал. Как иначе все это объяснишь?

– Коли холопка, то откупиться можно. Авось, сговоримся с хозяйкой, – почесал в затылке Пахом. – А коли не раба...

Дальше можно было не объяснять. На Руси закон исстари считал всех людей равными – кроме пленников и рабов, естественно. Даже закупные люди, ярыги, отданные за долги «головоу», защищались от произвола господина. Пороть за нерадивость – пожалуйста. А убить или продать – не могли! Родовитый князь за душегубство отвечал той же мерой, что и простой кожемяка.

Нет, конечно, знатные бояре были все же немного «более равными», нежели черные людишки. То, за что смерда без разговоров вздергивали на осине, для князя могло обойтись ссылкой, а то и вовсе штрафом. Но об том еще уговариваться надобно, на милость воеводы и государя надеяться, в ножки кланяться, просить... И еще не обязательно, что обойдется. Да даже если и обойдется – как потом всю жизнь с такой славой жить? Палач постельных девок! В глаза ведь никому не глянешь, совестно.

– Может, вытащить ее, пока темно, да схоронить где в укромном месте?

– Не выйдет, княже. Нашумим, больно груз тяжелый. Выглянет кто, заметит, догадается. Да и мест укромных мы окрест не знаем. А как их среди ночи найдешь? Вот что, княже. А давай дом запалим? Огонь, он все следы намертво заметет.

– С ума сошел? На сеновале куча народа. И наши, и здешняя дворня. Как полыхнет – они ведь все сгорят, и мяукнуть не успеют.

– Дык, упредим. Выскочим, кричать будем.

– Рано выскочишь – потушат. Поздно – сгорят. Тут ведь много не надо. Искорка одна через потолок просочится – сено враз займется, не хуже пороха.

– Что же делать тогда, Андрей Васильевич? Нечто из-за нежити поганой на дыбу идти, род свой позорить, муку терпеть? Знаю! Скажу, я убил, княже. Я уж свое отжил.

– Заткнись, Пахом, – повысил голос Зверев. – Совсем уж глупость несешь. Нежить не жалко, а вот за тебя меня и вправду совесть до гроба жрать станет. Нет, Пахом, так дело не пойдет. Оба с чистыми руками уедем.

– Окно! В окно вытолкать можно!

– Остынь, дай подумать.

– Чего там думать? Что пузырь порвем – так покаемся. Дескать, случайно. А шума на улице никто не услышит. Нет там ныне никого, по домам спят.

– А что потом делать станем? Сам говорил, укромного места ночью не найти. Если же утром тело заметят, быстро догадаются, что к чему. И про окно вспомнят, и следы наверняка снаружи останутся. Ты это... Ляг, заснуть попытайся. А я, может, чего и придумаю.

– Нечто теперь заснешь?

– Ну так хоть помолчи немного!

Холоп открыл было рот, но ничего не ответил. Сел на лавку, глядя на голову с пустыми зелеными глазами, причмокнул:

– Девка-то ладная. И чего ей не хватало?

– Кто знает, Пахом? – глядя в пол, почесал кончик носа Зверев. – Может, ей просто не повезло... Давай-ка ты ложись. Есть у меня одна идея.

– Да все едино не засну, Андрей Васильевич!

– Не хочешь, не спи. А в шкуру завернись. Не стоит тебе видеть того, что тут произойдет.

– Опять Лютоборовым чародейством баловаться станешь, княже? – недовольно буркнул холоп. – Ох, не доведет оно тебя до добра. Сгубишь душу свою на веки вечные, в огне адовом гореть станешь!

– Лучше быть живым колдуном, чем мертвым праведником, Пахом. Все, отвернись.

Дядька, мотнув головой, забрался за постель, накрылся шкурой, а князь Сакульский затупил одну из свечей, другой начертал в воздухе пятиконечную звезду – древний знак холода, смерти и потусторонней силы.

– Лягу в час полуденный, отвернусь от солнца ясного. Лягу во глубоком погребѣ, во черной яме, во сырой землѣ, – негромко заговорил он, продолжая огненным пером выписывать символы черных сил. – Поднимусь я в ночи темной, поклонюсь мертвой полуночи, назову имя заветное. Поклонюсь богине Срече ночной, поклонюсь богине Марѣ холодной, а тебе славу вознесу, Чернобог могучий. Осени меня своею силой, накрой меня дланью своею, назови меня своим пасынком, прими от меня дар кровавый. Пусть придут слуги твои верные: змеи болотные, крысы земляные, мыши подвальные. Пусть придут рохли чердачные, кикиморы печные, криксы водяные, черви могильные. Пусть все придут, кто имя твое славит. Пусть радуются моему угощению, пусть возносят милость твою беспредельную, пусть кланяются вечности твоей темной, коей никто из смертных не минует...

На несколько минут в комнате повисла тишина. Ничего не происходило. Андрей, медленно впадая в панику, облизнул пересохшие губы, снова схватился за свечу – но тут наконец-то послышался шорох, деревянное похрустывание, по полу застучали костяные коготки. От сундука к телу подбежала серая крыса с голым хвостом в мизинец толщиной, принялась к розовому срезу между плечами. Князь отвернулся, немного подождал, глянул снова. Возле тела орудовали уже пять крыс и с десяток мышей. От такого зрелища Зверева чуть не вырвало, он поспешно откинулся на перину и закрыл уши. Ему тоже не следовало все это видеть и слышать.

Дар заката

Как ни странно, немного полежав на перине и поглядев в потолок, князь таки заснул – словно провалился в глубокий темный колодец. И выдернули Андрея из этого колодца только залиvistые петушинные трели. Он рывком сел, глянул на пол и облегченно перекрестился:

– Приснится же такое!

– Убрал я все, княже, – сообщил развалившийся на сундуке холоп. – Как первые петухи пропели, встал – а на полу токмо косточки белые лежат. Уж не ведаю, как ты сие сотворил, Андрей Васильевич, что за сила Лютоборова тут была, ан кости я в бабскую рубаху высыпал, что у порога лежала, да завязал. Совсем мало получилось. В тюк под овчину сунул – вроде и незаметно совсем.

– Черт, – сплюнул Зверев. – Лучше бы это был сон!

– Знамо, лучше, – согласился дядька. – Съезжать нам надобно, пока хозяйка девки не хватилась. На нас, мыслю, теперича не подумают, ан сторожка проявить надобно.

– Это правильно, – кивнул Андрей. – Зови Илью с Изей, вели коней седлать. А я оденусь да боярыне поклонюсь перед отъездом. Скажу, домой тороплюсь, соскучился по родителям. Коли пораньше выехать, до Великих Лук за два перехода можно успеть.

Лукерья Ферапонтовна, как и положено радушной хозяйке, гостей попыталась задержать, накормить завтраком; ссылаясь на зарядивший еще с ночи моросящий дождик, предлагала отдохнуть – но князь Сакульский был непреклонен, и через полчаса путники выехали из деревни на запад, обогнав бредущее на пастбище стадо из полусотни коров и пары сотен овец.

С этой стороны из селения вела не тропка в локоть шириной, а вполне нормальная дорога, можно даже сказать – полуторاپолосная. Три колеи: кто ехал из деревни, держался левее, кто в деревню – правее. Ну а правые колеса телег катились посередине. Правда, такая «трасса» тянулась всего версты три. С каждым отворотом к полю, к огороду, к стерне со сметанными на ней стогами дорога словно усыхала, становилась все уже, и до берега Вержи добралась уже обычная грунтовка в одну телегу шириной.

Покидая земли детей боярских Храмцовых, Зверев натянул поводья, остановился, оглянулся назад:

– Да, нехорошо получилось. Как думаешь, Пахом, хватились они уже али нет?

– А чего потеряли? – наострил уши Илья.

– Не твоего ума дело, – резко осадил его дядька. – Я так мыслю, княже, не стоит ее увозить. Дабы честно сказать можно было, что не крали никого и ничего. Дозволь здесь схороним?

– Само собой, – кивнул Андрей. – На берегу, вон, земля вязкая, копать легко будет.

– Давайте, архаровцы, по ту сторону подождите, – прогнал за реку молодых холопов Пахом. Он спешился, присел на берегу и принялся споро вырезать жирную влажную глину под корнями невысокой ивы.

Сверток был маленький, с полведра размером, а потому управились быстро. Сунув кости в землю прямо в рубахе, Пахом закидал яму, выпрямился, скинул шапку и перекрестился:

– Да упокоит Господь ее несчастную душу.

– Может, и смилуется, – в свою очередь перекрестился Зверев. – Не знаю, как у нежити насчет души. Есть она или их души уже давно в аду горят? Ладно, зла на Цветаву не держу. Коли Бог простит, так тому и быть. Но Белург... Надо же такую комбинацию придумать! Понятно, отчего Старицкий меня не трогал. Ждал, пока сам пропаду. Ну да теперь беспокоиться не о чем. По коням, Пахом. Полнолуние через полторы недели. Соскучился.

– Нечто тебе, княже, в других местах луны нет?

– Ты не понимаешь, Пахом. Своя слаще...

Путники въехали в реку. Вержа имела тут ширину метра три, а глубину – немногим ниже колена. Или, как говорили на Руси – ниже чеки тележной. На любом возке можно ехать, и даже оси не замочишь, не то что поклажи. Понятно, почему дорога именно с этой стороны подходила. Через Днепр с бродом дело обстояло похуже – там и зачерпнуть недолго.

За рекой потянулись сенокосы, луга, перелески, пастбища – но вот полей по эту сторону уже не встречалось. Минут через десять всадники придержали коней перед обещанным вдовой росохом.

– Та-ак, – припомнил Андрей, – левый совсем зарос, наезженный в усадьбу ведет. Значит, нам прямо.

Второе перепутье дорог встретилось примерно через час, уже в лесу. Но здесь сомнений не было вовсе. В Великие Луки следовало поворачивать на север, вправо. И путники надолго втянулись в шелестящий глянцевой листвой, непривычно светлый из-за снежно-белых стволов, березняк.

Ближе к полудню дождик успокоился, на небе развиднелось. В солнечных лучах заискрились капельки воды на густом травяном ковре. Словно испугавшись, дорога вильнула в густой ельник, но уже через версту снова оказалась в березовой роще, местами перемежаемой темными вкраплениями осины. И за все время – ни одной сосны! Андрей откровенно соскучился по этому стройному и пахучему, родному северному дереву.

– Интересно, из чего они дома строят? – не выдержал он. – Из березы, что ли?

– Из осины, вестимо, – отозвался Пахом. – Она, знамо дело, воды не боится, не гниет совсем. Для баньки – самое милое дело осиновый сруб ставить. Отчего и обычную избу с нее, родимой, не срубить?

– Отчего же тогда мы из сосны да дуба строимся, а не из осины?

– Шутишь, княже? Сосна всегда прямая стоит, а из осины куски прямые выбирать приходится. А дуб, особливо мореный, крепче стали. Опять же, у нас окрест токмо сосны и дубы растут, осину еще найти надобно. А тут вон она – руби не хочу.

– Смотрите, – привстав на стременах, указал вправо от дороги Изольд. – Никак, деревня?

– Токмо тихая какая-то, – понизил голос дядька. – Странно.

– Думаешь, засада? – Андрей потянулся к сабле, погладил рукоять. – Коли так, давай посмотрим. Илья, заводные кони на тебе...

Князь повернул Аргмака и ломанулся к просвечивающим меж березами домам прямо сквозь низкие рябинки, растущие так густо, словно кто-то просыпал здесь ведро с собранными зачем-то кистями.

– А чего тут? – поворачивая следом, все же спросил холоп.

– Коли засада – на дороге ждать станут, олух, а не в кустах, – пояснил Пахом и пустил гнедую кобылу вскачь, нагоняя господина.

Перед домом раскинулся широкий, давно не полотый огород. На грядках росли подсолнухи вперемежку с морковью, одуванчиками и редиской. Дом смотрел на гостей, словно бельмами, двумя затянутыми пузырем окнами, с трубы выкрошилась глина, на толстой, взъерошенной кровле из дранки гордо тянулись к небу несколько хлебных колосьев. Андрей хмыкнул, объехал избу – и оказался на высланной подорожником поляне с колодцем посередине. Стали видны еще две избы, что стояли дальше от дороги. Обе такие же тихие, с растущей вокруг крыльца высокой травой.

– Какая засада, Пахом? – натянул поводья Зверев. – Тут с весны никто не ходил! Вечно тебе всякие страсти мерещатся.

– Лучше перебраться, княже, нежели ворогу попасться. А отчего это деревню бросили? Место, гляжу, хорошее. Река, вон, широкая рядом. Перепутье дорог, пусть и не самых нахоженных.

– Глянь, княже, у дальней избы дед баклуши бьет! – привстал на стременах Изяслав. – Дозволь, у него про то выпрошу?

– Вместе подъедем, – потянул правый повод Зверев.

Неспешным шагом всадники приблизились к единственному дому, трава вокруг которого была частью вытоптана, а частью скошена, остановились возле совершенно седого старика в длинной полотняной рубаше, который, присев на завалинке, вырезал из липовых веток в руку толщиной заготовки для ложек. Слева от него валялись мерные куски неокоренных деревяшек, справа набралось уже с десятков похожих на погремушки колобашек, тонких с одной стороны и толстых с другой.

– Здрав будь, мил человек! – зычно поздоровался Пахом. – Ответь, к Великим Лукам мы верно едем?

– Верно, боярин, верно, – не поднимая головы, ответил селянин. – Дорога, она вброд через Вопь перекидывается. Не пужайтесь, скачите смело. Воды по стремя будет, не более. Туда вам, за реку...

– А отчего у вас дома пустуют, отец? Нешто уехали куда смерды?

– Знамо куда, боярин. Во царствие Господа нашего, Исуса. Почитай, всех призвал.

– Как же это? Что случилось? – не поверил Изольд. – Нешто война была? Лютеране приходили?

– Какая война? – вздохнул, продолжая работать, крестьянин. – Одной старухи кривой и горбатой хватило. Лихоманка до нас прошлой осенью заглянула. Аккурат перед Покровом. Кого застала, всех и уморила, проклятушая.

– А ты?

– Бортник я, боярин. В лесу был, далече. Да Филимона Полосатого с семьей домовой спугнул, токмо старуха его, бабка, да дочка младшенькая сгинули. Они в поле ныне. Взяли меня к себе, тяжело одному. Я как дом с родными увидел, ноги враз отнялись. Сижу теперича, токмо харчи чужие перевозжу. В омут бы кинулся, да к Вопи не дойти. Не несут ноги-то.

– Как это «домовой спугнул»? – заинтересовался Зверев.

– Как, как. Как всегда балуют. Коров зашугал – есть перестали, аж к кормушке не подходили; овцам шерсть перепутал, собак покусал, хозяину на дворе в ноги кидался. Ни пройти, ни повернуться – падает и падает. Вот Полосатый к знахарю на Крикливую вязь и пошел. Бабу свою и детей, что постарше, прихватил. Думал, может, обидел кто хозяина? С домовым мириться поспешал, бо хозяйство он все изведет, коли баловать станет. Как ни трудись, а проку никакого. Вернулся Филимон – ан лихоманка уж дальше куда-то побрела, иных смертных искать. Кого не оказалось тогда в деревне, только тот и уцелел. Остальные в три дня угасли.

– Чего же вы деревню коровой не опахали? Верное ведь средство от лихоманки!

– Батюшка не дозволил. Грех, сказывал, и язычество. Богохульство злонамеренное. Вот бабы и убоялись. От нее, проклятушей, бабам ведь пахать надобно!

– Теперь поздно. – Князь дал шпоры Аргамаку и помчался к реке.

Найти брод труда не составило: дорога расширялась перед берегом до двух десятков сажень, исполосованная следами десятков телег, чтобы на другой стороне реки снова превратиться в две слабо накатанные колеи.

– Упыри, упыри, – оглянулся на Пахома Зверев. – Чего страшного в этом упыре? Только зубы да занудство. Лихоманка же, вон, на пару минут заглянула – и деревни, считай, нет больше. Всех сожрала. Далась попу эта несчастная запашка! Коли прививок не придумали, так хоть заговориться от болезней можно. Где там Илья? Не видит, что ли? – Пока скакун перемешивал копытами влажную возле воды глину, Андрей привстал на стременах и громко позвал: – Илья, сюда! Давай скорее!

Всадники легко перемахнули Вопь и на рысях помчались дальше, по тенистой лесной дороге. После полудня они остановились перекусить возле живописной речушки. Ширины в

ней было всего четыре шага, но зато она оказалась единственной на всем пути рекой, через которую был перекинут самый настоящий мост: дубовые балки с бревенчатым настилом. В лесу пахло свежестью, чистотой; в ярких солнечных лучах колыхались полупрозрачные изумрудные листья, слепили белизной березовые стволы, покачивались резные папоротники – и над всем этим великолепием колыхалась разноголосица птичьих трелей.

– Надо же, как распогодилось. – Пахом допил из фляги пиво и вогнал пробку в горлышко. – А к вечеру, чую, опять морось затянет. Капризная ныне погода, по три раза на дню меняется. Хорошо бы под крышей ночевать, княже.

– Вдова говорила, за Межой, на переправе, постоялый двор есть, – поднялся Андрей. – Если поторопимся, должны успеть. По коням!

Мысль о ночлеге в лесной слякоти, под всепроникающим дождем заставила всадников гнать скакунов широкой рысью. Впрочем, лошади, словно уяснив прогноз старого вояки, не протестовали; они мчались и мчались вперед, не сбиваясь на шаг и не фыркая, не жалуясь на усталость. Дорога разрезала лес почти по прямой, лишь изредка огибая холмы с крутыми склонами или пахнувшие гнилью болота.

Пять часов хода – и узенький тракт внезапно раздался в стороны, превратившись в обширную площадку, истоптанную копытами и раскатанную обитыми железом тележными колесами. Здесь горели два костра, возле которых прихлебывали простенькое варево с десятком крестьян. Телег, повернутых оглоблями на север, скопилось еще больше – пожалуй, с два десятка. Но лошади оставались запряжены лишь в четыре повозки, остальные скакуны бродили по краю поляны, ощипывая лезущую на свет траву и молодые ивовые побеги.

– Это еще что за пробка образовалась? – не понял Зверев.

Он объехал телеги по правому краю и натянул поводья на причале, что выдавался метра на три в подернутую мелкой рябью реку. Второй причал, в точности копирующий этот, стоял по ту сторону, саженьях в пятнадцати, возле него покачивался бревенчатый плот с настилом из тонких жердей.

Вроде и неширока река, десять метров всего – вроде Днепра, – да в прозрачной воде было видно, как дно круто уходит в глубину, размываясь на глубине не меньше человеческого роста.

– Кабы брод был, самолета бы не сколачивали, – словно угадал его мысли Пахом. – Проще перевозчиков дожидаться, нежели добро опосля сушить.

– И где они? – недовольно стукнул Андрей кулаком по луке седла. – Стемнеет скоро. Мы для того так торопились, чтобы теперь за полверсты от двора ночевать? Хорошо хоть, дождя пока нет. Но небо, глянь, затягивает.

– Сервы с утра скучают, княже, – выехал на причал Изольд. – Сказывали, за весь день на той стороне ни единой души не появилось. Ни перевозчиков, ни простого люда, ни ребятни рыбку половить.

– Никого за весь день? – не поверил Пахом. – Быть такого не может!

– Дык я мужиков спросил, – пожал плечами холоп. – Они так сказывали, я лишь повторил.

– Странно сие, княже... – покачал головой дядька.

– Только не говори, что это против нас очередная засада, – хмыкнул Андрей. – Может, у них страда, все люди в поле. Или наоборот, праздник какой. Дорога, вон, ненаезженная. Тут, может, один путник в три дня появляется. Чего паромщикам постоянно караулить? В деревне и иной работы хватает.

– Чего все стоят, дядя Пахом? – подъехал с заводными лошадьми Илья.

– Перевозчиков ждут, – коротко пояснил дядька.

– Скоро появятся-то? Бо стемнеет скоро. Не успеем перебраться.

– Я откель знаю? – недовольно буркнул Пахом. – Может, и вовсе не придут.

– Вот черт, – сплюнул Зверев. – А вдруг и правда не явятся? Перепились, небось, пивом и дрыхнут.

– Должны прийти, княже! Как иначе?

– Весь день, говорят, не было... С них станется и до завтра работу отложить.

– А чего сделаешь? Межа глубокая, брода не сыщешь.

– Суета, – спешился Андрей. – Изя, плавать умеешь?

– Прости, княже, – приложил руку к груди холоп, – но у нас в Шарзее, окромя колодцев, воды нигде не видывали.

– А ты, Илья?

– Да как же, княже? – испуганно перекрестился черноволосый парень. – А ну болотник там, навка али водяной? Место-то чужое, неведомое. Случается, сказывают, попить в ином месте наклонишься – ан ужо русалка за плечо хватит.

– Какая русалка, Илья? – Зверев расстегнул пояс, повесил на луку седла, перекинул через холку Аргмака феразь, принялся стягивать рубаху. – Ты в лесу мокрому ночевать хочешь или в теплой светелке?

– Может, сервов послать? – предложил Изольд.

– Не боялись бы – давно переплыли.

– Дык, княже... Стало быть, есть чего бояться?

– Их дело мужичье, им трусить можно, – поставил на помост сапоги Андрей. – А ты – ратник мой, твоя душа и живот мною уже куплены. А ну, раздевайся!

– Дозволь я, княже? – предложил Пахом.

– За старшего остаешься, – отмахнулся Зверев. – Пусть молодой ручками поработает. Как в шелка наряжаться – он первый, а как храбрость показать – так в кусты? А ну, за мной!

Он встал на краю помоста, сделал два глубоких вдоха и, лихо кувыркнувшись через голову, легко вонзился в воду. В первую секунду она показалась ледяной – но почти сразу превратилась в прохладную, нежную, почти ласковую. Приятно вечером смыть пот и пыль, что накопились за день. Андрей вынырнул, крутанул головой, отфыркиваясь, повернулся к причалу:

– Ну, рохля неповоротливая, ты где?

И тут его лодыжку холодно обхватила чья-то рука, потянула вниз. Князь жалобно, попорсячьи визгнул, ушел в глубину, торопливо развернулся головой вниз, пытаясь понять, что случилось. В сторону, уносимая течением, метнулась бледная тень – будто испугалась столь быстрой и решительной реакции. Промелькнули на дне раскрытые, словно крылья перламутровых бабочек, ракушки – Андрей рванулся вверх, пробил пускающую искорки поверхность, облегченно вдохнул сладкий воздух. Выше по течению уже барахтались два человека.

– Пахом? Ты как так быстро разделся?

– Ты чего кричал, княже?

– От неожиданности. В водорослях ногой запутался. Ладно, раз ты все равно мокрый, поплыли втроем.

Стремительными сажёнками они без труда пересекли реку, выбрались чуть ниже причала. Пахом и Илья стянули портки, принялись выжимать: видать, ради князя и раздеваться до конца не стали, спасать кинулись. Зверев усмехнулся, вернулся по колено в воду, ополоснул лицо, пригладил мокрыми руками волосы и... встретил внимательный взгляд. Оттуда, снизу, из-под колышущихся волн.

– О, елки... – Зверев попятился, перекрестился. Наваждение тут же исчезло – однако желание не то что купаться, но даже и умыться пропало начисто. Он передернул плечами, побежал вверх: – Пахом, ты где? Хватит сушиться, на постоялом дворе отогреешься. Давай, отвязывай паром, поплыли за лошадьми.

Мужики встретили «самолет» радостными криками, сами взяли за канат, перевезли разом скромный обоз князя Сакульского, после чего вернулись уже за своими телегами. Всадники же, предвкушая отдых, горячего поросенка, холодное пиво и мягкую постель, помчались вперед.

Деревня возле парома называлась, естественно, Перевоз. Выглядела она богато: семь добротных изб, рубленые амбары, хлева, овины, ровные жердяные заборы, ухоженные грядки огородов, ровными полосками уходящие от дворов к близкому ольховнику. Вот только не было слышно в ней ни мычания, ни кудахтанья, ни лая, и людей почему-то видно не было.

– Ровно ястреб прилетел, – прошептал Илья.

– Чего? – не расслышал Андрей.

– Сказываю, ровно ястреб прилетел. Он ведь как в небе появляется, вся живность вмиг затихает, прячется. Птицы не поют, мыши не шуршат, цыплята не пищат. Так и тут. Тихо...

– Нас, что ли, бояться? – не понял Изольд.

– Псы, пустобрехи, все едино лаять должны, – заметил Пахом. – Однако же и они молчат. И птицы лесные тоже. Нехорошо это. Странно.

– Странно не странно, а ночь скоро, – зевнул Зверев. – Вон изба в два жилья с чердаком. Это, наверное, постоянный двор и есть. Поворачивай туда. Со странностями потом разберемся.

Приют для путников был небольшим: трапезная с тремя столами да пяток светелок на втором этаже. Откуда постояльцев взять в такой глуши? В хороший день, небось, больше трех купцов зараз не соберется, да путник случайный вроде князя Сакульского – вот и вся радость. Ну покормить еще возчиков, что мимо днем проедут. Тоже прибыток.

Зато двор был ухоженным, чистеньким, даже уютным. Не брошенным – а оставленным ненадолго заботливым хозяином. Двор подметен, перила и коновязь ладные, не покосились нигде, не потрескались; на амбаре, конюшне, в хлеву ворота и стены плотные, без щелей.

Так же убрано было и в доме: ни грязи, ни пыли, ни еды. Кухня за войлочным пологом сияла чистотой и... неживой пустотой: ни муки, ни воды, ни окороков, ни рыбы, ни убоины, ни сластей – ничего, никакой еды. И печь стояла холодная.

– Вот проклятие... – покачал головой Зверев. – Ну что тут будешь делать? Пахом, у нас с собой овес есть? Не на выпас же скакунов отпускать! Илья, заведи их в конюшню, напои, торбы... Ну да сам знаешь, не маленький. Изя, погуляй по двору, может, погреб найдешь? Пошарь там чего съестного. В амбар загляни. Пахом, айда светелку выберем.

– Нехорошо как-то, княже, без хозяев-то...

– Мы же не ворует, Пахом. За все полновесным серебром расплатимся. Это постоянный двор или нет? И вообще клиент всегда прав.

– Кто?

– Да мы, дядька, мы. Те, кто деньги за приют платят.

Комнаты тоже были вылизанными, как для рекламы. Создавалось полное впечатление, что хозяева навели тут полный ажур и отлучились на минутку по мелкой надобности. Дом не был ни брошен, ни ограблен, ни уж тем более разорен. Он так и дышал доверчивостью и безмятежным покоем. Заходите, мол, гости дорогие, располагайтесь. Все для вас.

– В угловой горнице остановлюсь, – наконец решил Зверев. – Она самая большая, и топчан для второго человека есть. Ты ведь все равно ко мне придешь. Пошли, глянем, чего холопы нашли. Эх, сейчас бы стопочку – согреться после купания.

На крыльце их встретил Изольд, разочарованно развел руками:

– В погребе токмо крынки с тушенкой, Андрей Васильевич, да капуста прошлогодняя со свеклой. Ни окорока хозяин не оставил, ни балыка, ни яйца утиного. На леднике, может статья, убоина или кура есть, да я его не нашел. Во все ямы на дворе сунулся – нет ледника! А амбар закрыт. Снаружи не влезть. Видать, на засов изнутри двери заперли. Не ломать же кровлю ради куска хлеба, право слово?

– Ломать? Ломать не надо, – согласился Андрей. – А может, он и не заперт вовсе? Здесь подождите оба, я посмотрю.

Он подошел в воротам из плотно подогнанных жердей – даже обтесаны в местах стыка, чтобы не продувались, не поленился хозяин, – оглянулся. Вроде никто не смотрит. Илья в конюшне, прочие холопы отвернулись.

Нет, они наверняка догадывались, что князь языческой магией балуется, но это не значило, что можно заниматься колдовством публично. Как с естественными надобностями: все знают, что таковые имеются у всех, – но тем не менее справляют их не в открытую, а в потаенном уголке.

– Ну забыл я заговор на запоры или еще нет? – пробормотал Зверев, скрещая руки и накладывая их на дверь. Прикрыл глаза, сосредотачиваясь, мысленно проник ладонями сквозь дерево, ухватился за засов. Забормотал заклинание – и с последним словом резко развел кисти.

Послышался гулкий стук, створка чуть заметно качнулась. Андрей усмехнулся: надо же, получилось! Как всегда... Эх, рано он уроки Лютоборовы забросил. Старик ведь еще немало знает, много чем поделиться может.

Зверев отступил, широко зевнул, махнул холопам:

– Плохо смотрел, Изя! Тут просто щепка между воротинами застряла, вот и не поддавались.

Изольд мудро промолчал. Они с Пахомом ухватились за выпирающие наружу из двух жердин лоснящиеся толстые сучки, потянули на себя створки – и одновременно судорожно сглотнули, торопливо перекрестились:

– Свят, свят...

– Ох, ё-о... – вырвалось и у Зверева. – Не входить!

В амбаре на полу лежали на плетенных из травы толстых циновках жители деревни: мужики и бабы, малые дети и старики, плечом к плечу, ровными рядами. Человек пятьдесят, если не больше. Все опрятно одетые, со спокойными лицами и закрытыми глазами. Вот только рты кое у кого были открыты.

– Видать, и тут лихоманка побывала, – сглотнул Андрей. – Проклятие! Внутрь не входить, еще заразу какую подхватим. Закрывайте-ка все обратно, ребята, да подоприте для надежности. Ни хрена себе! Всякого успел тут навидаться, а все равно – мороз по коже.

– Нехорошо как-то, княже, не по-христиански, – оглянулся на него дядька. – Похоронить бы их надобно.

– Но не ночью же, Пахом! И вообще... Лучше бы их вообще... кремировать. Прямо в амбаре. И от лихоманки безопаснее, и могил на них на всех не нароешься. Целая деревня! Даже одну, братскую – и то пупок развяжется копать.

– А может, и не все тут? Может, по домам еще кто лежит?

– Поискать хочешь, Изя? – зло поинтересовался Андрей. – Все, хватит с нас на сегодня. Зови Илью, тащи из погреба тушенку. Поедим холодного да спать будем укладываться. Утро вечера мудренее, на рассвете все решим. Вы вот что... Запритесь на ночь с Ильей в конюшне, больше никого не пускайте. Смерды перебыют. И за вещи так спокойнее будет, и за коней, и за вас тоже. Что-то мне тут больше не нравится. Уехал бы, да в лесу, боюсь, еще хуже.

Пока князь Сакульский и его немногочисленная свита ужинали и собирались ко сну, двор понемногу наполнялся возками переправившихся крестьян. Успевшие за время долгого вынужденного привала набраться пива и браги, они шумно удивлялись пустому поселку, вспоминали знакомых, прикидывали, что могло случиться – между делом разоря оставленный без присмотра погреб, нахваливая хозяйский хмельной мед. Просмотрел-таки Изольд самое интересное! В сгустившихся сумерках кто-то убрел в деревню искать родичей, кто-то голосил песни, кто-то уже похрапывал на своей телеге. Наверх, к светелкам никто из смердов не пошел

– не привыкли, видно, ночевать в дорогих хоромах, берегли копеечку. Спускаться вниз, требовать тишины Звереву было лениво.

Пожалуй даже, с этим разноголосым гамом ему засыпалось лучше. Чувствовалось – живые люди рядом. Не спокойные, как в амбаре...

* * *

Андрею показалось, что он лишь на миг сомкнул глаза, как истошный вопль заставил его присесть на постели. Вокруг царил полная, непроглядная темнота. Крики не повторялись, доносилось лишь странное приглушенное чавканье.

– Пахом, ты спишь? Слышал чего-нибудь?

– Никак, кричал кто-то, княже? – отозвался из мрака холоп. – Снаружи это. Может статься, мужики спяну подрались? Хотя... Они, знамо, столько пива высосали... От хмеля спать должны, ако убитые.

– Тихо... – поднял палец Зверев. – Мне слышится или скребется кто за дверью? Ну-ка, лампаду запали.

Свечей в комнатах постоялого двора не имелось. Неведомые хозяева оставили вместо них для гостей пучок лучинок да небольшую глиняную плошку с маслом и фитилем, что стояла перед обязательной в доме православного иконой в красном углу. Пахом, разыскивая огниво и немудреный светильник, зашуршал, а князь подобрал с пола саблю, нащупал окно, скинул крючки и распахнул створки.

Дождя на улице не было, но облака плотно закрывали небо, а потому различить что-либо на улице не представлялось возможным. Вроде шевелились внизу какие-то тени, а кто, что, почему – непонятно.

– Во всяком случае, это не набег, – негромко отметил Андрей. – Железа не слышно. Да и не обойтись без света душегубам. Что тати, что ляхи – все равно с факелами бы пришли.

На лампадке наконец запылал крохотный темно-красный огонек. Дядька перекрестился, запалил от него лучину, давшую уже нормальный, яркий свет. Не светодиод, конечно, – но комната просматривалась целиком. Стало видно, как засов двери, мелко подрагивая, выползает из дверного паза. Видимо, снаружи через щель косяка его подталкивали чем-то острым.

– Вот и хозяева объявились. – Пахом закрепил лучину в держателе, опоясался веревкой и взял в руки саблю.

Андрей, пользуясь остающимися минутами, тоже влез в рубаху и порты, застегнул ремень с оружием – в то, что неопоясанный человек может потерять душу, он как-то не верил, а потому веревкой не подвязывался. Засов наконец-то полностью отполз на проушины двери, створка медленно и бесшумно отворилась, в светелку заглянул лохматый парень лет двадцати с коротеньким – с ладонь – ножом в руках.

– Привет, – широко улыбнулся ему Зверев к вытащил саблю из ножен.

К его удивлению, ночной тать не смутился оттого, что пробраться к гостям незаметно не удалось, не попытался скрыться. Наоборот, он решительно ринулся вперед – и стоявший сбоку холоп молниеносно отсек воришке руку. Парень вскрикнул, развернулся к Пахому, издал злобный рык, прыгнул – и напоролся животом на сабельный клинок.

В дверях же появилась бабулька в вязаной кофте, из-под платка выбивались седые пряди. Она, чуть сторбившись, шагнула в светелку и замерла, крутя головой.

– Тебе-то чего, старая? – растерялся князь.

В этот момент парень, откинувшийся с клинка на спину, зашевелился на полу, перевернулся на живот и попытался встать. Андрей перевел взгляд на него. Душу кольнуло уже знакомое ужасное чувство, что в поведении татя что-то не так, неправильно, неверно. Сабля Пахома снова сверкнула со смертоносным шелестом – и голова парня покатила под топчан.

– Вот теперь не встанешь, – кивнул старый вояка и вернул клинок в ножны.

Бабка же вдруг прыгнула вправо. Но не на Андрея и не на холопа. Быстрым движением она смахнула плوشку Звереву на постель и опять замерла, стоя в красном углу и улыбаясь с таинственностью Моны Лизы.

– Что за..?

В дверях появились еще две тетki, но те входить не торопились. Старушеница стояла, не проявляя никакой враждебности. Труп лежал... Но никакой крови из него не вытекало!

– Упыри! – наконец сообразил князь, что именно показалось ему неправильным в поведении парня. – Нежить неупокоенная!

– Неправда, мил человек, – мотнула головой бабка. – Рази мы на людей не похожи? Рази не ходим, не говорим по-людски? То вы, гости дорогие, без спросу в дом въехали. Как же не глянуть нам на незваных гостей.

– Да-да! – закивали бабы в дверях. – Люди мы простые, православные. За добро свое беспокоились. Вреда не причиним, зла никакого не замыслили.

– Что за черт? – Андрей опустил саблю. – Коли православные – перекреститесь!

– Нечто так не веришь, боярин? – всплеснула руками бабка. – Нехорошо. В дом чужой водвориться да порядки свои учинять.

– Княже, лучина! – Пахом опять рванул саблю из ножен.

– Черт!

Зверев сразу все понял. Лучина догорала. Всего несколько минут – и все они окажутся в темноте. А бороться с упырями вслепую... На колебания времени не осталось – он ринулся вперед, снизу вверх разрубая от подмышки до ключицы одну из кровососок в дверях, резко пригнулся, увернулся от рук другой, подсек ей ноги, уколол кого-то, кто стоял за ней, рубанул... Коридор наполнился топотом – незваные гости улепетывали.

– Как тут, княже? – высунулся следом холоп.

– Не гнаться же за ними? – сплюнул Зверев. – Там дальше темно, хоть глаз выколи.

Они вернулись в светелку, заперлись. Пахом спешно запалил новую лучину от почти догоревшей первой, поставил в держатель. Бабка с отрубленной головой валялась посреди комнаты. Как Андрей и думал, она кинулась ему на спину – а Пахом, разумеется, этот бросок подловил.

Мужчины, не сговариваясь, начали одеваться. Зверев натянул шаровары, сапоги, выпрямился, повел носом:

– Нас, часом, не выкуривают? Лампада!

Он дернул пропитанное маслом одеяло. Оно всю тлею, огонь проел изрядную дыру – спасибо, свалывшаяся вата не полыхнула огнем. А вот набитый сеном матрас, едва в прикрытую одеялом дыру хлынул воздух, тут же осветился языками пламени.

– Едри твою налево!

Князь рванул постель на себя, сложил вдвое и решительно метнул в окно. Мгновением спустя следом полетело одеяло. Зверев облегченно перевел дух – лучше иметь дело с нежитью, бесами и упырями, нежели с пожаром. От нежити отбиться можно, от огня – никак. Он взялся было за ферязь – но тут за окном ярко полыхнуло. Оказывается, матрас шлепнулся на крышу амбара, сено радостно занялось, и высокий сноп пламени осветил весь двор.

Там на своих телегах валялись четверо крестьян с разорванными гортанями, еще двое, зажатые в угол между конюшней и забором, отбивались кольями от напирających девиц и детей. Шестеро мужиков пытались взломать ворота конюшни, но добротные створки не поддавались. Пока...

– Держитесь! – крикнул Илье с Изольдом князь и полез в окно.

В последний момент его поймал Пахом и чуть не за шиворот заволок обратно в комнату:

– Куда, Андрей Васильевич! Кольчугу надень, порежут ведь! И шлем с бармицей!

– Черт! Скорее! – Как ни спешил на выручку Андрей, но правоту холопа признал. Лезть в сечу без брони – дурость несусветная. Слава богу, байдана – не рыцарский доспех и не кираса, ее за секунду надеть можно.

– Вот поддоспешник, – сунул ему холоп войлочную жилетку с коротким рукавом и достал из чересседельной сумки шелестящую железом грудку крупных, натертых салом колец.

Зверев застегнул на боку крючки поддоспешника, надел через голову кольчугу, захлестнул под горлом ворот, потом взял у дядьки шлем, вернулся к окну – но вовремя спохватился, сплюнул:

– В броне прыгать – только ноги без пользы ломать. Давай, Пахом, зажигай лучины. Придется через дом идти.

– Сейчас, княже, сейчас... – Холоп как раз влезал в долгополый стеганый поддоспешник. Поверх него нацепил сверкающий нагрудными пластинами юшман, опоясался саблей, перекрестился и взялся за пучок лучин: – Ну, с Богом.

– Иди за мной и свети, – приказал Зверев. – А я рубиться стану.

– А может, я? – предложил Пахом.

– Еще чего?! – развернул плечи Андрей. – Чтобы я, князь Сакульский, как служка, дорогу холопу освещал?! Люблю тебя, дядька, но и ты не забывайся!

Тяжело ступая по половицам, Зверев подошел к двери, отодвинул засов и двинулся в темный коридор. Мгновение спустя сзади появился Пахом с несколькими собранными в факел лучинами, рыжеватый неровный свет залил пустой проход.

– Видать, ушли, – хмыкнул князь, ускоряя шаг. – Решили добычу попроще поискать.

Они без приключений спустились вниз, выглянули на улицу. Там было светло, как днем – на амбаре занялась кровля, огонь поднимался метра на три, заменяя хороший прожектор. К счастью, больше здесь ничего не изменилось. Двое мужиков продолжали удерживать оборону в углу, ворота конюшни колям и топорам не поддались.

– Жаль, щиты и бердыши с лошадьми остались, – вздохнул Андрей, взял в левую руку косарь, поцеловал клинок сабли, толкнул дверь и кинулся к конюшне.

Упыри и понять ничего толком не успели. Князь снес одну голову, другую – только после этого вурдалаки развернулись к неожиданному врагу. Еще две головы долой – и ему наконец попытались оказать сопротивление. Но безуспешно. Удар топора Андрей принял на косарь и тут же рассек упырю грудь почти до позвоночника, от кола увернулся, а убил кровососа уже Пахом.

– Илья, Изя! – прижал он ухо к воротам. – Вы живы?

– Уйди прочь, тварь безбожная!! Не дадимся! С нами Бог и крест святой.

«Не откроют, – понял Зверев. – Заговором запоры отворить – так еще и прибьют сгоряча. Ну и ладно, пусть коней стерегут».

– Пахом, за мной!

Он побежал на выручку крестьянам. Бабы и малолетняя шпана, увидев опасного противника, прыснули в стороны, и срубить удалось только трех теток – события двух последних ночей притупили в князе и его слугах пиетет к слабому полу.

Мужики, тяжело дыша, опустили колья, отвалились к стене.

– Живы? – на всякий случай переспросил Андрей. – Как вы уцелели-то?

– Пиво пили, – признал один. – Прочих упыри спящими погрызли. Свят, свят... Как полезли из амбара, как полезли...

– Мы же подпирали его ворота снаружи? Как они выбрались?

– Да заглядывали мы в амбар, боярин. Это... Ну любопытно ведь. И непонятно сие.

– А теперь как, понятно?

– Андрей Васильевич, глянь туда... – тронул Зверева за плечо холоп. – Никак, упыри в дружину собираются?

Из-за угла дома, под окном выбранной князем горницы, торчали, покачиваясь, два длинных железных наконечника. Судя по характерному изгибу – обычные косы. Весьма опасный инструмент в умелых руках. Время от времени наружу выглядывали кончики каких-то рукоятей. Вилы? Лопаты? Цепы ³? Изредка высывались и люди: то баба глазами стрельнет, то ребенок.

– Их ведь с полсотни было, – вспомнил Зверев. – Если разом навалятся, сомнут. Тех, что с вилами или косой, саблей так просто не достанешь.

– Бежать надо! – тут же предложил один из крестьян. – За реку бежать! На самолете! Они ведь в воду не полезут, правда?

– Колья прихватите, – посоветовал Андрей. – Как бы в деревне еще упырей не нашлось. Не все же они в одном месте отлеживались?

– А как же Илья с поморянином, княже?

– Коли за нами вурдалаки пойдут, им же спокойнее, – тихо ответил Пахому Зверев. – Да и не откроют они нам конюшню, пуганые уже... Все, хватит отдыхать, тронулись.

Четверо мужчин, не отрывая взгляда от угла дома, двинулись к распахнутым настежь воротам. Из-за дома так же медленно выбрались и упыри. Бабы – с вилами, косами и оглоблями. Детишки – с ножами. Глазки малолеток горели так же хищно, как и взрослых.

Настороженно, шаг в шаг, путники пересекли двор, вышли за ворота и перевалили взгорок, на котором расположилась деревня. Зарево пожиравшего амбар пожара позволяло увидеть не только ближние дома, но и темную ленту реки за кронами редко растущих вдоль дороги берез.

– Стойте! Подождите нас! – вдруг кинул свой кол один из парней и помчался вниз.

– Стой! – тут же последовал его примеру второй.

Упыри разом кинулись на людей. Князь с холопом, не дожидаясь, пока их собьют с ног, тоже побежали. Несясь со всех ног, Андрей наконец понял, что именно так испугало крестьян: двое мужиков уже копошились на пароме. Один, похоже, отвязывал веревку, другой отмахивался лопатой от четырех упырей, не давая им перебраться на плот. Мужчина, две тетки да ребенок, безоружные, – пожалуй, и отобьется.

– Стой!! Стойте, милые! Нас, нас подождите! Стойте, Христом-Богом...

Смерд ловким ударом сбил упыря, треснул бабу по голове, заставив упырей отступить, а в это время другой натянул канат. Страх придал ему силы, и паром начал быстро отдаляться от берега. Сажень, другая. Уже не запрыгнешь! Первый мужик бросил лопату, тоже взялся за работу. Паром пополз еще шустрее.

– Стойте! Стой! Помогите!!!

Упыри повернули к первому из парней. Он не без труда затормозил, попятился. Андрей проскочил мимо, всей массой налетел на одну из баб, рубанул другую, крутанулся, выбросил саблю в сторону мужика. Тот пригнулся, пытаясь увернуться, но князь дрался не первый раз и тоже чуть подправил движение клинка. Хряс-сь! – и череп развалился надвое. Сбитая с ног тетка только-только начала подниматься, и ее без труда завалил Пахом. Упырениш же бесследно исчез.

Крестьяне уже прыгали на краю причала, размахивая руками:

– Сюда! Сюда! Спасите! Заберите! Заберите нас, Бога ради! Господи, не дайте пропасть! Помилуйте, мужики!

Смерды на плоту сосредоточенно трудились, уже миновав середину реки.

– Пахом, – толкнул холопа локтем в бок Андрей и указал на холм.

³ Инструмент для обмолота зерна. Выглядят как нунчаки в человеческий рост.

Толпа, гнавшаяся за ними, рассыпалась в рыхлую массу. Бабы, что поздоровее, вырвались вперед, худосочные заметно отстали, а коротконогие упырята и вовсе топтались еще на середине холма.

– Сомкнутся – задавят.

– Как скажешь, княже... – Дядька глубоко вдохнул и вслед за Зверевым двинулся навстречу нежити.

Первая упыриха ростом превосходила Андрея почти на голову и неслась со скоростью бешеного мамонта. Это ее и подвело: удар косы седьмого номера ушел князю куда-то за спину, остановиться она не успела, а когда пробежала мимо – Зверев с оттягом полоснул ее поперек позвоночника, тут же повернулся, подставил косарь под направленные в грудь вилы, толкнул их вверх, качнулся в сторону, рубанул бабку справа по шее, снова повернулся, не давая проткнуть живот косой. Железо зашелестело по кольцам байданы, а сабля снесла еще одну голову.

– Н-на! – Оглобля выбила из глаз сноп искр, но не разнесла голову, а соскользнула по остроконечному шлему вниз, ударила в левое плечо.

Андрей на миг потерял зрение, но правая рука завершила начатое движение – снизу влево вверх, по рукам чуть выше локтей. Нежить взвыла, и он на звук рубанул голову. Зверев не соображал, наверное, с полминуты, но за годы тренировок его руки и ноги приучились работать сами по себе. Качнулся – выпад, поворот – удар по незащитной вампирьей шее. Снова качнулся – рубящий удар поперек врага.

– Держись, Андрей Васильевич, держись! – Пахом почти прижался спиной к его левому плечу. – Не падай!

Левая рука не слушалась, онемела, повисла. Но зато – он не чувствовал в ней боли.

Коса!

Уходя от укола лезвием сверху, Андрей шагнул вперед, саблей откинул оружие вправо, обратным движением снес дурную голову нежити, выставил клинок вертикально, а когда вилы уперлись в него, шагнул вперед-влево, дернул оружие вниз и рубанул упыря по ногам.

Ничего, с нежитью и одной саблей управиться нетрудно!

– Не упаду!

Тут же он согнулся от удара лопатой в живот – но зато дотянулся кончиком сабли до очередного горла и отступил, откашливаясь. Кольчугу лопатой, естественно, не пробить, да и удар толстый поддоспешник погасит. Но все равно – очень неприятно. Переводя дух, Андрей попятился, резко выдохнул, выпрямился, готовый продолжить бой... Но никого не увидел. Точнее, увидел трех теток да пяток упырят. Они стояли полукругом в нескольких шагах, но в сечу не рвались. Похоже, даже у нежити имелся страх перед смертью. Присоединиться к куче изуродованных тел, наваленных на траву двумя опытными ратниками, вурдалаки не торопились. Андрей с Пахомом переглянулись, двинулись вперед – и враг позорно кинулся бежать.

– Вернитесь! Не оставляйте нас! Люди вы или нет! Души стубите. Не бросайте, милые! Пожалейте нас, умоляем! Заберите нас отсюда! Заберите! Ради Бога, заберите! – Парни на краю причала продолжали уговаривать своих сотоварищей вернуться, но те словно оглохли. Доплыв до безопасного берега, надежно привязали паром, спустились на берег и, старательно не оглядываясь, побрели прочь. – Стойте!!! Федор, Остап! Стойте! Не-ет!

– Вот уроды, – поморщился Зверев, сунул саблю в ножны, попытался ощупать левое плечо, но сквозь толстый поддоспешник ничего понять не смог. – Проклятие! Кажется, начинает отходить. Сейчас заболит. Пахом, глянь... Перелома нет?

– На месте она, княже, на месте, – подходя ближе, кивнул холоп. – Главное, не оторвали. Остальное ерунда, заживет... Броню снимать надобно, иначе не разобрать.

– Так снимай!

– А упыри как же? Коли опять кинутся, как без брони отбиваться станешь?

– Вокруг посмотри, дядька, – криво усмехнулся князь. – Смотри, сколько мы их порубили. Да еще на постоялом дворе с десятков лежит. Было их с полсотни, а уцелело меньше десятка. Коли приспичит, сам управишься.

– Ну как скажешь, Андрей Васильевич... – Холоп расстегнул байдану, стянул ее с хозяйина, перекинул через плечо, помог снять поддоспешник и рубаху, прощупал плечо. – Кости вроде целы... Ну мясу досталось. Седьмицу плечо синим будет, не менее. Поболит и перестанет. Однако светает. Пошли на двор? Все едино Межу не переплыть. Может, при солнце холопы нас и признают. Тогда дальше двинемся. Руку токмо дай, к шее подвяжу.

– Это точно, – кивнул Андрей. – Я через нее теперь точно не поплыву. Эй, мужики! Может, сплаваете за паромом? Тогда все вместе назад вернуться сможем.

– Чур-чур! – шарахнувшись от реки, закрестились парни. – Тут по берегам вона какая нечисть бродит. В воде, вестимо, и вовсе страшилища прятаться должны. Мы уж лучше с вами дальше к Великим Лукам двинем. Вместе, Бог даст, не сгинем.

– Пока не тронемся, – покачал головой князь Сакульский. – Что же, все тут в таком виде бросать? С костями человеческими раскиданными да упырями по подвалам? Пахом, ступай к конюшне, выгоняй холопов из схрона. Пойдите по поселку, все останки в избу какую-нибудь соберите. Перед отъездом запалим. Ну а коли на упыря спрятавшегося наткнетесь... В общем, туда же кидайте. Семь бед – один ответ. Давай торопись, время уходит. Я и сам доковыляю. Не ногу же мне отбили! И вы, мужики, коли хотите вместе дальше ехать, с ним бегом марш. Лишние руки в этом деле пригодятся. Шевелитесь, шевелитесь, не то до полудня не управимся!

Насчет полудня Андрей очень сильно погорячился. То есть тела за пару часов четверо мужиков собрать вполне успевали – но когда они начали искать останки по домам, тут же выяснилось, что там, помимо трупов, есть множество куда более интересных вещей. Отрезы ткани, ножи, обода, кольца, лопаты, топоры, горшки, ступицы, седла, петли, скобы... И холопы, и смерды, наткнувшись на столь ценные предметы, немедленно их хватали и волокли к своим телегам, нагружая повозки сверх всякой меры.

В первый миг князь хотел запретить мародерство, но вовремя спохватился. Ведь оставь они все это добро здесь, в опустевшей деревне – оно сгниет, проржавеет, пропадет без всякой пользы. Для шестнадцатого века – роскошь совершенно непозволительная. А кроме того, по здешним законам победитель имел полное право на имущество поверженного врага. А врага они, как ни крути, победили.

Кстати, возки сбежавших крестьян были поделены между всеми немедленно и без малейших угрызений совести. Бросили – сами виноваты. Значит, не нужно.

Увлечшись грабежом, смерды выгребли и увязали с собой даже сыр и пиво из здешних погребов, мороженую курятину и копченую рыбу с ледников. Наверное, смерды и лед бы прихватили – да заподозрили, что не довезут.

Погребальное пламя полыхнуло только к вечеру, в ранних серых сумерках, и заночевали путники не на полпути к Великим Лукам, а все на том же дворе, запершись в надежной прочной конюшне и распределив между собой время дежурства. Впрочем, на этот раз их не потревожил никто, и с первыми лучами солнца длинный обоз из тридцати тяжело груженных подвод двинулся в путь под противным морозящим дождем. Телеги были нагружены так сильно, что мест не осталось даже для людей, и они шли рядом с оглоблями, удерживая вожжи. Верхом остался только князь – не к лицу ему извозчика изображать, достойнее часть добычи бросить.

«Пешими скорость километра три будет, – прикинул Андрей. – С привалами тридцать километров в день получится, за три дня – девяносто километров. Девяносто километров – всего один переход на хороших сытых скакунах. Но не бросать же на помойку столько добра? До полнолуния время еще есть, успеем».

Дождь моросил не переставая, поэтому в полдень на привале огня разводить не стали – где в такую погоду сухой валежник добывать? Перекусили ветчиной и копченой рыбой, что

нашли в брошенных погребях, дали небольшой отдых лошадям, напоили их, подкормили пшеницей – и двинулись дальше. Дорога шла почти по прямой, продираясь сквозь близко растущие вязы и липы. Мокрые ветви хлестали по рукам людей, по их поклаже, брызгались на лошадей и князя. Вскоре после привала путники пересекли такую же узкую, как ту, по которой ехали, дорогу.

– Эй, мужики, – оглянулся на возчиков Зверев. – По какой магистрали дальше ехать? Дорогу на Великие Луки знаете?

– Вроде как налево... – предположил один из парней. – По здешним дорогам местные завсегда чаще катаются, они шире и наезженей.

Уходящая влево просека и вправду выглядела еще хуже, чем прежняя их дорога. К тому же отворачивала она не очень сильно от направления, по которому обоз двигался до этого.

– Уверен? – строго переспросил Андрей.

– Вроде как туда раньше ездили... – промямлил парень.

– Туда, не туда, – поморщился князь. – Не помнишь, так и скажи!

– Вроде там о прошлом разе ехали... – еще тише выдал из себя смерд.

Зверев только головой покачал. Однако другого проводника все равно не было, и он, перекрестившись, свернул-таки влево. Опять потянулся узкий лесной проселок, почти сплошь перегороженный ветвями деревьев. Верста, другая, третья – неожиданно к их колее примкнула еще одна, с правой стороны. Спустя полчаса – другая колея, слева. Дорога раздалась, люди повеселели.

– Я помню, – уже в полный голос похвастался парень. – Незадолго до Великих Лук вот так тракт усе шире и шире становился. Видать, немного осталось.

– Какое немного? – сплюнул Андрей. – До города три дня пути! Или тут еще какую крепость государь успел построить?

Между тем за два часа пути к их дороге успели примкнуть еще две. Причем именно примкнуть – они не пересекались с другими просеками, все пути вели явно сюда, на этот тракт.

– И где же это тут так медом намазано?... – пробормотал Зверев, которого широкая трасса среди чащобы куда сильнее беспокоила, нежели радовала. – Тут что, тайные города вырасти успели? Неведомые ни Москве, ни ближайшим соседям?

Лиственный лес вокруг неожиданно резко сменился ельником, колея перевалила через холм – и впереди открылась обширная водная гладь. Не море, конечно, но саженой сто в ширину и больше версты в длину в этом водоеме имелось.

– Ну конечно, – махнул рукою Андрей. – Мог бы и сам догадаться. Мельница!

Ниже запруды река становилась такой, какой была до приложения к ней человеческих рук: три сажени шириной, два колена глубиной – испуганный пес с разбегу перескочит. Плотина была солидной. Широкой – дорога проходила поверх нее; высокой – почти два человеческих роста. Огромное дубовое колесо сейчас стояло, и вода бесполезно перекачивалась вниз через закрытую задвижку. Возле плотины имелся всего лишь небольшой сруб примерно пять на пять метров. Свое подворье хозяин расположил заметно выше по течению: плотный часток, крыши нескольких амбаров и хлевов, дом в два жилья. Богатое, в общем, жилище. Да оно и неудивительно. Русь – не Голландия, среди лесов ветра особо не гуляют. Зато рек, ручьев и проток – в избытке. Потому и ставят мастеровитые русские мужики мельницы не ветряные, а водяные. Опять же ветер – он то есть, то нет. А реки – они всегда ровно и старательно текут, даже в засуху не пересыхают.

Здесьняя мельница, судя по размерам, легко обслуживала все деревни на десятки верст вокруг. То-то и дороги к ней протоптали, ровно к стольному городу.

– Эй, смерд! – оглянулся на проводника Андрей. – Мельницу на дороге к Великим Лукам помнишь?

Тот, глядя куда-то под копыта гнедого мерина, промолчал.

– Что, мельницы не заметил? Этаким махины с плотиной и мостом не заметил? Проклятие! Пахом, правь обоз дальше. Должна же эта дорога куда-то привести? А я к хозяевам загляну. Может, подскажут насчет дороги.

Ворота Мельникова подворья были закрыты, внутри царила пугающе знакомая тишина. Ни мычания, ни кудахтанья, ни лая. Князь постучал в ворота, объехал маленькую крепость кругом, снова постучал. Никого.

– Плохой признак... – покачал он головой.

Зверев пустил Аргамака в галоп, перемахнул плотину, обогнал обоз и помчался вперед. Дорога долго стелилась через некошенный луг, потом рассекла надвое колосющиеся хлебом поля, обогнула поросшие сорняками гряды с морковью и репой и привела к чистому взгорку, на котором, подобно зеленым взрывам, росла отдельными обширными зарослями густая лебеда. Князь подъехал к одному из таких кустов – через листья проглядывала чернота влажных от дождя головешек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.